

Г.П. ЛОМИНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК. ГЕНЕРАЛ. ДИРЕКТОР

Воспоминания о Г.П. Ломинском

Paul

ЧЕЛОВЕК. ГЕНЕРАЛ. ДИРЕКТОР

ВОСПОМИНАНИЯ О Г.П. ЛОМИНСКОМ

СНЕЖИНСК

Екатеринбург
Издательство "Художник"
1998

УДК 92
ББК 63.3(2)7

Книга рассказывает о жизни и деятельности крупного организатора отечественной атомной науки Г.П. Ломинского. В основу материала легли воспоминания его близких, друзей и коллег, а также фрагменты беседы с Г.П. Ломинским из архива радиокompании г. Снежинска. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся тем, как и кем создавался ядерный щит России.

ISBN 5-85383-123-3

- © РФЯЦ-ВНИИТФ, 1997 г.
- © Издательство "Художник", 1997 г.
- © Т.Г. Новикова, автор-составитель, 1997 г.
- © В.В. Штукатуров, макет, оформление, 1997 г.

В книгу вошли воспоминания, которыми поделились члены семьи Г.П.Ломинского, друзья и коллеги по работе.

**Ломинская
Мария
Ивановна**

**Ломинская
Элла
Георгиевна**

**Миронов
Александр
Николаевич**

Алешичева (Ломинская) Людмила Георгиевна

Аврорин Евгений Николаевич - директор - научный руководитель РФЯЦ-ВНИИТФ. Работает во ВНИИТФ с 1955 г. по настоящее время. Доктор физико-математических наук, академик РАН. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Имеет государственные награды.

Алехин Юрий Тимофеевич - генеральный директор АО ТПК "Полянка". Работал во ВНИИТФ с 1959 по 1981 г., в том числе - заместителем директора ВНИИТФ. С 1981 г. по настоящее время - в Минатоме. Имеет государственные награды, в том числе орден Трудового Красного Знамени, орден "Знак Почета".

Альбинов Зият Абдулович - главный научный сотрудник НИИИТ. Работал во ВНИИЭФ с 1952 по 1955 г., во ВНИИТФ с 1955 по 1969 г., с 1969 по настоящее время в НИИИТ. Доктор технических наук, профессор. Имеет государственные награды.

Амбарцумов Эдуард Аветисович - работал в системе Минатома с 1970 по 1997 г., в последнее время - начальником отдела комплексного развития мощностей Департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов. Имеет государственные награды, в том числе медаль "За трудовую доблесть".

Ананийчук Владимир Николаевич - начальник отдела научно-технической информации ВНИИТФ. Работает во ВНИИТФ с 1962 г. по настоящее время. С 1968 по 1973 г. - первый секретарь ГК ВЛКСМ г. Снежинска. Имеет государственные награды.

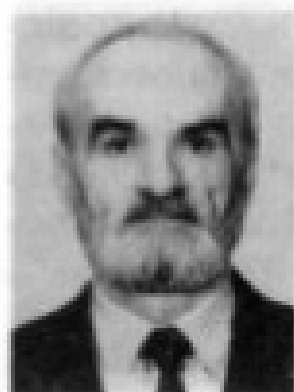
Антоневич Галина Викторовна - ведущий инженер. Работает во ВНИИТФ с 1974 г. по настоящее время.

Афанасьева Татьяна Анатольевна - инспектор. Работает во ВНИИТФ с 1969 г. по настоящее время.

Багин Юрий Трофимович - начальник группы службы безопасности. Работает во ВНИИТФ с 1976 г. по настоящее время. С 1976 по 1992 г. - заместитель директора ВНИИТФ по режиму. Полковник. Имеет государственные награды, в том числе орден Красной Звезды.

Беловодский Лев Федорович - заместитель начальника отделения. Работает во ВНИИЭФ с 1967 г. по настоящее время. Доктор технических наук, академик МАНЭБ. Имеет государственные награды.

Беллев Борис Носафович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1956 по 1990 г. начальником цеха, главным технологом, главным инженером, директором экспериментального завода, главным инженером ВНИИТФ. Лауреат Ленинской премии, имеет государственные награды, в том числе ордена Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, "Знак Почета".

Бриш Аркадий Адамович - почетный научный руководитель ВНИИА. Работал во ВНИИЭФ с 1947 по 1955 г., с 1955 г. по настоящее время - во ВНИИА. С 1964 по 1997 г. - главный конструктор ВНИИА. Доктор технических наук, профессор. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Имеет государственные награды.

Веретенников Александр Иванович - главный научный сотрудник НИИИТ. Работал во ВНИИЭФ с 1948 по 1966 г., с 1966 по 1987 г. - директор и научный руководитель НИИИТ. Доктор физико-математических наук, профессор. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий. Имеет государственные награды.

Ветютнев Александр Игнатьевич - главный инспектор Госатомнадзора. С 1957 г. проходил службу в аппарате 12 Главного Управления МО, с 1982 по 1993 г. - директор института по проблемам военно-морского флота и видам Вооруженных Сил, с 1993 г. - в Госатомнадзоре. Контр-адмирал в отставке. Имеет государственные награды, в том числе орден Трудового Красного Знамени, орден "За службу Родине в Вооруженных Силах" III степени.

Волошин Николай Павлович - начальник Департамента проектирования и испытания ядерных боеприпасов Министерства РФ по атомной энергии. Работал во ВНИИТФ с 1962 по 1996 г., в настоящее время - в Минатоме. Доктор технических наук. Лауреат Государственной премии. Академик МАНЭБ.

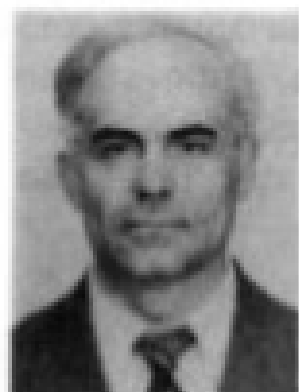
Голиков Николай Андреевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1961 по 1978 г., директором экспериментального завода, заместителем директора ВНИИТФ. Имеет государственные награды, в том числе орден Красной Звезды, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени.

Дедов Евгений Александрович - депутат городского Совета г. Снежинска. Работал во ВНИИТФ с 1958 по 1980 г. инженером, заместителем начальника цеха, начальником цеха, секретарем парткома завода № 1, председателем ОЗК 24. С 1980 по 1988 г. - председатель исполкома городского Совета народных депутатов. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, два ордена "Знак Почета".

Домнин Андрей Иванович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. С 1948 по 1986 г. работал во ВНИПИЭТ, в последнее время - заместителем главного инженера проекта. Имеет государственные награды, в том числе орден "Знак Почета".

Емельянов Борис Михайлович - директор музея г. Снежинска. С 1960 по 1963 г. работал в МИФИ-6, с 1963 по 1973 г. - во ВНИИТФ, с 1973 по 1988 г. - секретарь парткома, первый секретарь горкома КПСС, с 1988 по 1995 г. - заместитель директора ВНИИТФ. Имеет государственные награды, в том числе два ордена Трудового Красного Знамени.

Желтов Константин Константинович - сотрудник НИИИТ. Работал во ВНИИЭФ с 1949 по 1955 г., с 1955 по 1962 г. - во ВНИИТФ, с 1967 г. по настоящее время в НИИИТ. Доктор технических наук. Имеет государственные награды.

Жучихин Виктор Иванович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИЭФ с 1947 по 1955 г., с 1955 по 1969 г. - во ВНИИТФ, с 1969 по 1982 г. - первый заместитель Главного конструктора КБ АТО. Кандидат технических наук, лауреат трех Государственных премий. Имеет государственные награды, в том числе два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени.

Золотухин Геннадий Евпатьевич - заместитель начальника департамента по проектированию и испытаниям ядерных боеприпасов. С 1958 по 1994 г. проходил службу в ВМФ МО, с 1994 г. по настоящее время - в Минатоме. Вице-адмирал в отставке. Лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии РФ, заслуженный изобретатель СССР.

Искра Анатолий Демьянович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. С 1951 по 1958 г. работал в Министерстве среднего машиностроения, с 1958 по 1971 г. - в Министерстве обороны, в том числе начальником первого управления 12 Главного Управления МО. Генерал-майор в отставке. Лауреат Государственной премии. Имеет государственные награды.

Калачиков Федор Семенович - начальник цеха железнодорожного транспорта. Работает во ВНИИТФ с 1963 г. по настоящее время. Имеет государственные награды, в том числе два ордена "Знак Почета".

Клауров Георгий Александрович - начальник отдела Министерства РФ по атомной энергии. С 1964 по 1978 г. работал на Новоземельском испытательном полигоне МО СССР. С 1992 г. по настоящее время - в Минатоме. Кандидат технических наук, лауреат Государственной премии СССР. Имеет государственные награды, в том числе орден Красной Звезды.

Клопов Леонид Федорович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИ-ЭФ с 1953 по 1955 г., с 1955 по 1972 г. - во ВНИИТФ, с 1972 по 1989 г. - заместитель начальника 5 Главного Управления МСМ. Доктор технических наук, генерал-майор в отставке. Лауреат Ленинской и Государственной премии. Имеет государственные награды.

Коблов Петр Иванович - заместитель главного конструктора ВНИИТФ. Работал во ВНИИ-ЭФ с 1952 по 1955 г., с 1955 г. по настоящее время - во ВНИИТФ. Доктор технических наук, профессор. Лауреат Ленинской премии. Имеет государственные награды.

Колесников Дмитрий Прокопьевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1967 по 1988 г. в должности начальника отдела режима и охраны. Имеет государственные награды, в том числе орден Александра Невского, орден Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды.

Криулькин Николай Николаевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1965 по 1975 г., с 1975 по 1989 г. - зам. начальника отдела 5 Главного Управления МСМ. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны II степени.

Кручинин Александр Вячеславович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. С 1945 г. работал ст. инженером управления кадров, ученым секретарем 5 Главного Управления. Имеет государственные награды, в том числе орден Трудового Красного Знамени, орден "Знак Почета".

Лбов Герман Степанович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1956 по 1988 г. ст. инженером, начальником цеха, главным инженером экспериментального завода, директором экспериментального завода. Лауреат Ленинской премии. Имеет государственные награды, в том числе орден Октябрьской Революции, орден "Знак Почета".

Лобова Лена Ивановна - начальник Медсанчасти № 57. С 1960 по 1984 г. жила в г.Снежинске. С 1969 г. работала в Медсанчасти № 15, с 1978 по 1984 г. - начальник Медсанотдела № 15. Заслуженный врач Российской Федерации.

Марков Альфред Александрович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Проходил службу в институте по проблемам Военно-морского флота и видам Вооруженных Сил. Капитан первого ранга. Кандидат технических наук.

Мигунов Анатолий Александрович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1961 по 1992 г. инженером, начальником отдела, заместителем директора. Имеет государственные награды, в том числе орден Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, орден "Знак Почета", медаль "За боевые заслуги".

Минько Аркадий Викентьевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1959 по 1997 г. инженером-технологом, начальником цеха, начальником отдела, заместителем директора ВНИИТФ. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени.

Миньев Владимир Степанович - старший инженер ВНИИТФ. С 1950 по 1961 г. работал на производственном объединении "Маяк". С 1961 по 1970 г. - председатель спорткомитета г. Челябинск-70. 1971-1978 г. - секретарь парткома. Имеет государственные награды.

Мухалов Иван Семенович - научный сотрудник. Работает во ВНИИТФ с 1973 г. по настоящее время.

Нечаев Мартен Николаевич - начальник отдела НИИИТ. Работал во ВНИИЭФ с 1951 по 1955 г., во ВНИИТФ с 1955 по 1964 г., с 1964 г. по настоящее время - в НИИИТ. Доктор физико-математических наук, профессор. Лауреат Ленинской премии. Имеет государственные награды.

Никитин Владислав Иванович - заместитель директора ВНИИТФ. Работает во ВНИИТФ с 1959 г. по настоящее время. Имеет государственные награды, в том числе орден "Знак Почета", орден Дружбы.

Новиков Геннадий Абрамович - заместитель начальника Департамента безопасности, экологии и чрезвычайных ситуаций Министерства РФ по атомной энергии. Работал во ВНИИТФ с 1965 по 1996 г. Кандидат технических наук. Академик МАНЭБ.

Опланчук Анатолий Владимирович - глава города Снежинска, председатель городского Совета депутатов. Работал во ВНИИТФ с 1965 по 1996 г. мастером, инженером-механиком, начальником автобазы, главным инженером УАТа, начальником УАТа. Имеет государственные награды, в том числе орден Почета.

Орлов Иосиф Брониславович - главный архитектор ВНИПИЭТ. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина. Лауреат Государственной премии СССР и РСФСР. Заслуженный архитектор РФ. Удостоен премии им. Патрика Аберкрамби.

Повышев Николай Степанович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИЭФ с 1948 по 1955 г., во ВНИИТФ с 1955 по 1996 г. начальником отдела полигонов. Имеет государственные награды, в том числе ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Покровский Сергей Николаевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИЭФ с 1948 по 1955 г., с 1955 по 1973 г. - во ВНИИТФ, с 1973 по 1991 г. - во ВНИИЭФ, начальник отраслевой лаборатории по технике безопасности. Имеет государственные награды.

Полковников Василий Васильевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал ведущим инженером 5 Главного Управления с 1960 г. Имеет государственные награды, в том числе орден "Знак Почета", орден Трудового Красного Знамени.

Рябен Лев Дмитриевич - первый заместитель министра РФ по атомной энергии. Работал во ВНИИЭФ с 1957 по 1984 г., с 1986 г. - министр среднего машиностроения СССР. С 1989 по 1991 г. - заместитель председателя Совета министров СССР. Лауреат Государственной премии СССР. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, два ордена "Знак Почета", орден Почета.

Садоров Александр Иванович - заместитель главного инженера ВНИИТФ. Работает во ВНИИТФ с 1958 г. по настоящее время. Имеет государственные награды, в том числе ордена Трудового Красного Знамени и "Знак Почета".

Тимонин Леонид Михайлович - зам. научного руководителя ВНИИЭФ - начальник отделения. Работает во ВНИИЭФ с 1950 г. по настоящее время. Доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, орден "Знак Почета".

Тихонов Олег Николаевич - главный специалист. Работает во ВНИИТФ с 1956 г. по настоящее время, с 1972 по 1981 г. - главный конструктор ВНИИТФ. Лауреат Ленинской и Государственных премий. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, орден "Знак Почета".

Усиков Павел Яковлевич - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИТФ с 1955 по 1989 г. начальником отдела. Имеет государственные награды, в том числе орден Отечественной войны II степени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красной Звезды.

Феоктистова Екатерина Алексеевна - работала во ВНИИЭФ с 1948 по 1955 г., с 1955 по 1987 г. - во ВНИИТФ начальником отдела. Доктор технических наук. Лауреат трех Государственных премий. Имеет государственные награды, в том числе орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени.

Цыркв Георгий Александрович - советник Департамента проектирования и испытаний ядерных боеприпасов. Работал во ВНИИЭФ с 1948 по 1955 г., с 1955 по 1960 г. - во ВНИИТФ, 1965 по 1996 г. - начальник 5 ГУ МСМ. Доктор технических наук, академик МАИ. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий. Имеет государственные награды.

Чернышев Юрий Кириллович - в настоящее время на заслуженном отдыхе. Работал во ВНИИЭФ с 1954 по 1955 г., с 1955 по 1991 г. - во ВНИИТФ инженером, ведущим инженером, начальником отдела. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии. Имеет государственные награды, в том числе два ордена Трудового Красного Знамени.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Совсем недавно в отечественной атомной отрасли отмечались юбилеи крупных ведомственных институтов, предприятий. Кульминацией стал полувек юбилей Министерства Российской Федерации по атомной энергии. По словам министра РФ В.Н.Михайлова, главным “золотом”, добытым за полвека работы отрасли, стали “отечественная атомная индустрия, ее люди, без которых невозможны ни научный порыв, ни успехи, ни достижения”¹.

В каждой отрасли есть свои титаны, имена которых не нуждаются в комментариях. Перечисление заслуг, званий и чинов - это для непосвященных. Для своих достаточно назвать человека - и сразу все становится ясно. Георгий Павлович Ломинский, без сомнения, принадлежит к той немногочисленной когорте, которая является гордостью и славой атомной отрасли.

Сорок лет жизни отдал Ломинский работе в атомном проекте. Он готовил к подрыву первые атомный и водородный заряды, неоднократно возглавлял испытания новых образцов ядерного оружия, почти четверть века руководил крупным научно-исследовательским институтом по разработке ядерного оружия.

Лауреат Ленинской и двух Государственных премий, удостоенный высших наград Советского Союза, Георгий Павлович был тем человеком, который оказал огромное влияние на развитие Всероссийского научно-исследовательского института технической физики и города Снежинска.

Так получилось, что этапы его жизни и периоды деятельности института совпали. ВНИИТФ, основанный в 1955 году, делает первые самостоя-

¹ Михайлов В.Н. Становая отрасль России. Международная жизнь, спецвыпуск, 1994.

тельные шаги, создавая первые изделия. Георгий Павлович в это же время становится одним из его руководителей. Затем время расцвета института, годы стабильного развития, востребованности. Во главе коллектива - директор, пользующийся исключительным авторитетом и на предприятии, и в городе, и в министерстве. Уход Ломинского из жизни практически совпал с прекращением испытаний ядерного оружия, открывшим для института тяжелые времена.

Книга воспоминаний о Г.П. Ломинском не случайно называется "Человек. Генерал. Директор". Именно об этом хотелось бы рассказать - о достоинстве личности, чести офицера и ответственности руководителя.

В основу этой книги положены воспоминания многих людей. Прежде всего, это семья Георгия Павловича - жена, Мария Ивановна Ломинская, и его дочери Элла и Людмила. Это люди, работавшие с Ломинским, встречавшиеся с ним - кто ежедневно, из года в год, кто изредка и случайно. Его друзья, видевшие генерала в домашней обстановке, без мундира. Жители Челябинска-70 и Арзамаса-16, москвичи и ленинградцы, рассказывая о Ломинском, единодушно отмечают редкое человеческое качество, присущее Георгию Павловичу: в различных ситуациях, с разными людьми - от рядовых до министров - он не изменял сам себе. Возможно, именно поэтому и в атомной отрасли, и в Снежинске Георгий Павлович Ломинский стал легендой. Легендой о добром гении, четверть века хранившем благополучие небольшого уральского городка. "А вот при Ломинском..." - говорят старожилы. А что же было при Ломинском? Почему память стольких людей бережно хранит его образ, шутки, слова? Попытаемся понять...

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Георгий Павлович Ломинский родился 23 апреля 1918 года в г.Казатин Винницкой области в рабочей семье.

В 1935 году окончил среднюю школу в г.Казатин.

С 1935 по 1938 год был студентом машиностроительного факультета Киевского индустриального института.

С сентября 1938 по май 1941 года - слушатель Артиллерийской ордена Ленина Академии Красной Армии им. Ф.Э. Дзержинского.

С мая 1941 по январь 1948 года проходил службу на научно-исследовательском полигоне стрелкового и минометного вооружения Главного Артиллерийского Управления Вооруженных Сил (г.Щурово Московской области) в качестве инженера-исследователя, начальника отдела, начальника отделения.

С января 1948 по апрель 1955 года работал в п/я 975 (ныне РФЯЦ-ВНИИЭФ) в должностях: старшего инженера, научного сотрудника, начальника отдела полигонов, заместителя начальника сектора и помощника директора предприятия.

С апреля 1955 по июнь 1988 года работал в п/я 0215 (ныне РФЯЦ-ВНИИТФ) в должностях: заместителя директора - главного инженера, заместителя главного конструктора - начальника сектора, главного инженера - первого заместителя директора. С 20 ноября 1964 года по 17 июня 1988 года - директор института.

Генерал-лейтенант.

Лауреат Ленинской (1962), двух Государственных (1951, 1978) премий. В числе государственных

ных наград - два ордена Ленина (1950, 1966), орден Октябрьской Революции (1971), два ордена Красной Звезды (1944, 1978), три ордена Трудового Красного Знамени (1951, 1953, 1961).

Умер 17 июня 1988 года. Похоронен в Москве.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

“КАЗАТИН - МОЯ РОДИНА”

“Казатин - моя родина. Знаменит он тем, что это очень крупный железнодорожный узел на правобережной Украине. Оттуда идут поезда через Белоруссию на Ленинград, на Шепетовку, на Умань, на Киев, на Одессу”. Так начал рассказ о себе Георгий Павлович Ломинский в беседе с корреспондентом городского радио.

23 апреля 1918 года на Украине, в небольшом городке Казатин Винницкой области, в семье Павла Васильевича и Варвары Мироновны Ломинских родился сын, названный Георгием. Род Ломинских издавна жил в приграничных районах Польши и Украины - так гласят семейные предания. Сам Георгий Павлович вспоминал об этом, уже работая главным инженером НИИ-1011. Однажды его старшая дочь, придя из кино, рассказала такую историю: “демонстрировался какой-то польский фильм, начинавшийся с прогулки по городу. И вдруг диктор говорит: а вот здесь когда-то был кабачок пана Ломинского. Зал дружно грохнул.”

Семья была, по современным понятиям, большая - четверо детей. Кроме Георгия были три сестры - Елена, Леонида и Мария. Отец, Павел Васильевич Ломинский, работал кондуктором на железной дороге. Мать, Варвара Мироновна, была домохозяйкой. Получившая неплохое образование (она окончила гимназию), Варвара Мироновна оказала очень большое влияние на формирование духовного мира детей. Именно мать привила им тягу

к чтению. Она умерла от туберкулеза совсем молодой, 42-летней, когда Георгию было всего тринадцать лет. Для сына, как и для всей семьи, это была огромная потеря. Через всю жизнь пронес Георгий память о матери. Много лет спустя он, человек, чья жизнь не оставляла места для сентиментальности, во всех деталях вспоминал картинки из детства, связанные с матерью - даже то, как она варила варенье.

Пай-мальчиком Георгий никогда не был. Вместе с приятелями лазил по чужим садам, играл в карты с беспризорниками, воровал уголь на железной дороге. И мечты у него были такие же, как у всех мальчишек. Сначала хотелось ему стать машинистом, работать, как отец, на железной дороге. Это и неудивительно - кроме железнодорожного депо в городке, по существу, ничего другого не было. Потом его поманила мечта многих подростков 30-х годов - авиация. И Георгий идет заниматься в планерную школу. Но Казатин - всего лишь маленький провинциальный городок... К счастью, школа-семилетка, в которой учился Ломинский, по уровню преподавательского состава не уступала столичным, а затем была преобразована в десятилетку. Лучшим ученикам было позволено продолжить образование. А Георгию - не только позволено, но и настоятельно рекомендовано. Директор школы специально встретился с Павлом Васильевичем Ломинским и посоветовал ему, несмотря на тяжелое материальное положение в семье, дать сыну возможность получить образование, отмечая большие способности и редкостный ум своего питомца. А тяги к знаниям Георгию было не занимать. Об этом красноречиво говорит школьный аттестат, оценивающий знания питомца как "дуже добре".

Только одна дисциплина ему не удавалась - немецкий язык. С этим "вредным" предметом судьба еще сведет его через многие годы.

А пока, вооруженный школьным аттестатом и свидетельством слесаря третьего разряда, Ломинский направляется в Киев, в индустриальный институт. Здесь он, без особых затруднений преодолев солидный конкурс, поступает на машиностроительный факультет. Через десятилетия Георгий Павлович объяснит свой выбор очень просто: "меня всегда тянуло ко всяким металлическим делам". Учеба давалась ему легко - по крайней мере, так казалось со стороны. Но более внимательные наблюдатели могли заметить и вдумчивость, и основательность, проявляемые молодым человеком при подготовке к занятиям. Жить на небольшую стипендию было непросто. На праздники можно было пойти к киевской тетушке, муж которой работал на колбасной фабрике. Вкус ветчины, которой угощали полуголодного студента в этом доме, остался в его памяти навсегда.

Студенческая жизнь - пусть не легкая, но веселая - быстро увлекла Георгия. Он изучает Киев, улицу за улицей, открывая для себя Андреевский Спуск, Владимирскую Горку, Крещатик, вместе с приятелями осваивает киевские предместья. В те годы неотделимой составляющей студенческой жизни был спорт - и он занимается борьбой, записывается в парашютный кружок - в одну группу с Е.А. Феоктистовой. Екатерина Алексеевна вспоминает эти годы так: "В Киевском индустриальном институте я познакомилась с Георгием Павловичем Ломинским. Он учился на том же курсе, что и я, но на другом факультете. Я тогда еще обратила на него внимание как на человека, который в каждой сту-

денческой компании, даже собравшейся случайно, становился душой этой компании”.

Есть пословица - судьба согласного ведет, несогласного тащит. Кажется, сама судьба подводи- ла Ломинского к тому, чтобы он стал военным. Вот только в какой род войск определить будущего генерала? Юношеское увлечение полетами могло продолжиться и в студенческие годы - в Индустри- альном, крупнейшем в Киеве институте, были свои “У-2”. Занятия на военной кафедре института су- лили ему карьеру танкиста. Кстати, Ломинский был в одном танковом батальоне и, более того, в одном экипаже со студентом того же вуза Давидом Абра- мовичем Фишманом², человеком хорошо известным в кругах Минсредмаша. На лето студенты выезжа- ли в военные лагеря. “В последний (1938) год мы были на польской границе, готовились перейти ее, помогать чехам... Мы вышли на границу, несколь- ко суток простояли, но не пересекли ее и верну- лись на зимние квартиры в Шепетовку, а оттуда в Киев”.

А в Киеве уже работала комиссия по направле- нию лучших студентов в военные академии. Геор- гию, успешно прошедшему конкурсный отбор, дается право выбора - Артиллерийская академия Красной Армии имени Ф.Э. Дзержинского, Воен- но-воздушная инженерная академия имени Н.Е. Жуковского или Ейская школа морских летчиков... Ломинский выбирает артиллерию. Так кончается жизнь штатского человека. Начинается тот этап, который Георгий Павлович пятьдесят лет подряд бу- дет называть одним строгим словом - “служба”.

² Д.А. Фишман - доктор технических наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и нескольких Государственных премий, более 40 лет рабо- тал в РФЯЦ-ВНИИЭФ, в т.ч. заместителем главного конструктора. (Примечание составителя.)

АКАДЕМИЯ

В сентябре 1938 года Г.П. Ломинский был зачислен на третий курс артиллерийской ордена Ленина Академии Красной Армии имени Ф.Э. Дзержинского. Академия была только что переведена из Ленинграда в Москву и расположилась в прекрасном месте - в особняке 19 века, на берегу Москвы-реки, в нескольких минутах ходьбы от Кремля. Около учебного корпуса было общежитие для слушателей - до революции в этом здании находился институт благородных девиц. Здесь, на третьем этаже, и поселился Ломинский. Начались интенсивные занятия. В день - не меньше 10-12 часов, по 6-8 лекций. Курс в Академии - стрелково-пушечное вооружение - нигде больше не читался. С преподавателями повезло: лекции читали офицеры старой школы - не только замечательные специалисты, но и высокообразованные, интеллигентные люди. Учеба и здесь давалась Георгию легко.

По воспоминаниям, Ломинский зарекомендовал себя прежде всего как человек исключительных душевных качеств, любимый и уважаемый однокурсниками за настойчивость и ответственность, большое жизнелюбие и отзывчивость. И здесь он быстро стал душой компании.

Трудно сказать, был ли среди предметов специальный курс техники безопасности, но известно то, что с важностью этой дисциплины ему пришлось столкнуться еще в Академии. Рассказывает его однокурсник А.Д. Искра: "Как-то раз на занятиях был такой случай: полковник Любимов взял с витрины гранату - она пролежала там с 1914 года - и стал объяснять, как она работает - летит, ударяется о почву и взрывается. Размахивая гранатой, он уда-

рил ей об парту, за которой мы с Жорой сидели, и вдруг граната взорвалась. Я мгновенно оказался под столом, а он так и остался сидеть. Оказывается, в гранате оставался капсюль-детонатор”.

В мае 1941 года в Академии состоялся последний предвоенный выпуск около 700 офицеров, среди которых был и старший техник-лейтенант Ломинский. 5 мая выпускников в последний раз собрал начальник академии и сообщил, что молодые офицеры приглашаются на правительственный прием - им предстояло выслушать речь Сталина, а затем присутствовать на банкете. Выпускники ожидали, что за этими словами последует лекция о внутриполитической ситуации, но эта часть была, на удивление, краткой - “товарищи, вы знаете, куда вы идете”. Неожиданностью была вторая часть беседы под условным названием (ввиду предстоящего банкета) “как пить и не напиваться”, где в деталях было объяснено, в какой из четырех бокалов что следует наливать и чем это полагается закусывать. На приеме перед офицерами с 40-минутным докладом выступил Сталин, сказавший, что война с Германией неизбежна, но непобедимых армий не было и нет. С этим напутствием выпускники разъехались по местам службы. Ломинский, окончивший Академию с отличием, был направлен в парашютно-десантную дивизию, а затем, с учетом темы диплома, перенаправлен на научно-исследовательский полигон стрелкового и минометного вооружения Главного артиллерийского управления Вооруженных Сил.

МЕСТО СЛУЖБЫ - ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН

В мае 1941 года на подмосковный полигон Щурово прибыла группа выпускников Академии, среди них и Г.П. Ломинский. И с первых же дней в поведении молодого инженера-испытателя появилась какая-то тайна: каждый день в определенное время его стали замечать на проходной полигона. Секрет вскоре был раскрыт - лейтенант высматривал "девочку с косичками". Вскоре познакомились. Оказалось, ее зовут Мария, работает машинисткой. Ухаживал Георгий Павлович красиво и так настойчиво, что конкуренты отступились. Пришлось сдаться и Марии. Уже в октябре Ломинский подал начальству рапорт о намерении жениться. Фронт приближался, и было решено эвакуировать сотрудников полигона на Урал. Сначала товарным поездом уехали офицерские семьи, в том числе и Мария Ивановна Ломинская с сестрой. Провожая жену в эвакуацию, Георгий отдал ей единственную ценность, которую имел, - аттестат на 700 рублей. Через некоторое время в эвакуацию поехал и сам Ломинский.

Так он впервые оказался на Урале, в деревне Непряхино Чебаркульского района Челябинской области. На постой определили в дом к женщине с детьми. Жили все в одной комнате. Занавеска, сделанная Марией Ивановной из старой простыни, давала иллюзию обособленности. То ли веселый нрав приехавших пришелся по душе хозяйке, то ли постояльцам повезло, но жили дружно. Доброта этой женщины помогла Ломинским пережить самое трудное время. "Она нас почти кормила", - вспоминает М.И. Ломинская. Действительно, на офи-

церскую карточку прожить было нелегко. Поэтому сразу решили - Мария Ивановна присматривает за детьми, а сама хозяйка занимается извозом. По вечерам нередко бывало так: пришедший со службы Георгий Павлович тихо сидит "в своей комнате" и пьет пустой чай. Мария Ивановна разговаривает с хозяйкой. Та интересуется:

- А где Георгий?

- Чай пьет.

Занавеска отлетает в сторону.

- С сахаром? - спрашивает хозяйка. Ломинский признается, что без сахара. Постоялец тут же провождался к столу.

Когда в мае 1942 года пришло время уезжать, вся деревня удивлялась, почему в то время, как все вздыхают с облегчением, провожая гостей, хозяйка Ломинских плачет, сквозь слезы повторяя: "А мне они не надоели".

Весной 1942 молодая семья вернулась в Подмосковье, и Георгий Павлович продолжил службу на полигоне. Полигон был предназначен для испытания и отработки новых образцов военной техники - как отечественной, так и трофейной. "Практически все стрелковое оружие, - вспоминал Ломинский, - которое и сейчас находится на вооружении, было испытано там. Частично даже и разработано. Я был начальником гранатометно-минного отделения, и все гранаты, которые сейчас находятся на вооружении, прошли через мои руки. Потом, когда стало появляться противотанковое оружие ближнего боя, его тоже передали нам. Я разработал один из образцов противотанковых гранатометов, РПГ-1, он стрелял недалеко, метров на 45, но пробивал приличную броню - 150 мм. Ни один немецкий танк устоять не мог".

Спустя годы Георгий Павлович говорил, что за время службы на полигоне гранат он испытал больше, чем кто-либо другой. А работа с образцами артиллерийской техники привела к профзаболеванию - частичной потере слуха на определенной частоте. Часто сотрудникам полигона приходилось заниматься и разминированием неразорвавшихся немецких бомб. Показной удали за старшим лейтенантом Ломинским не наблюдалось, но человек он был неробкого десятка и выполнял свою работу спокойно и профессионально. Приходилось ему выполнять и особые задания. Так, во время войны в Москве произошло убийство высокопоставленного лица. Расследование затрудняло то обстоятельство, что специалисты не могли установить вид оружия, из которого был произведен выстрел. Обратились за помощью к военным. Георгий Павлович, выступивший в качестве эксперта, определил, что была использована ракетница. После проведения следственного эксперимента, подтвердившего заключение Ломинского, его пригласили на работу в милицию, пообещав хороший пост, квартиру и прочие блага. Георгий Павлович отказался от предложения, сославшись на то, что на полигоне у него интересная работа.

Работа была не только интересная, но и опасная. За годы службы Ломинского на полигоне произошло два несчастных случая. Первый - в 1942 году при испытании гранат на тряску. Ломинскому было приказано провести соответствующие испытания. Поскольку опыт был опасным, проводился он в обед, когда все сотрудники ушли на перерыв. Внезапный взрыв двух образцов на специальном испытательном стенде привел к сильному разрушению здания лаборатории и гибели двух случайно оста-

вавшихся в нем человек. Георгий Павлович очень переживал случившееся, хотя формально его вины в трагедии не было - накануне он докладывал руководству, что проводить такой опыт в необорудованном помещении нельзя, но получил приказ выполнять распоряжение. В ходе расследования происшествия ряд офицеров был снят с должностей. Старший лейтенант Ломинский, который недавно был представлен к званию капитана, повышения в чине, конечно, не получил. Более того, приказом Верховного Главнокомандующего он был понижен в звании до лейтенанта.

Через два месяца случилось еще одно ЧП. Ломинский испытывал гранаты, и одна взорвалась буквально у него в руках. По счастливой случайности ни лицо, ни руки не пострадали. Только 23 осколка в ногах. Сам Георгий Павлович говорил просто: "Обошлось без госпиталя". А Мария Ивановна Ломинская вспоминает, как он пришел домой прямо с испытательной площадки. В ногах - множество осколков, в сапогах - кровь. А в руках магнит. Этим магнитом жена и вытаскивала осколки, потому что идти к врачу Георгий Павлович категорически отказался... Затем ноги кое-как перебинтовали. Когда через день поднялась температура, идти в больницу все-таки пришлось. Но здесь Георгий Павлович схитрил. Раздевшись до пояса, он дал осмотреть себя врачу, который никакой болезни, конечно, не обнаружил. Все осколки вытащить не удалось, часть вышла позднее, некоторые так и остались в ногах на всю жизнь.

Но неприятности - если это можно так назвать - случаются в работе каждого. Это не изменило мнения руководства полигона: Георгий Ломинский - отличный офицер, с превосходной подготовкой,

широкой эрудицией и всеми остальными данными для прекрасной карьеры. Начав с инженера-испытателя, он вскоре становится старшим инженером и затем начальником отдела.

Сказать, что Ломинские жили скромно, значит преувеличить. Жили просто бедно. Но в семье настолько не обращали на это внимания, что доходило до курьезов. Мария Ивановна вспоминает, что однажды постирала свое единственное "парадное" белое платье и повесила сушиться. Георгий Павлович вернулся с работы и, увидев его, удовлетворенно отметил: "А, новое платье!" - "Да ты что, - возмутилась молодая жена, - я же в нем хожу еще с тех пор, когда ты за мной ухаживал!" - "Неужели? - удивился он. - Я и не замечал".

Действительно, казалось, он не замечал трудностей. Никогда ни единым словом не дал понять, как тяжело ему приходится. Так вышло, что практически с самого начала Георгию Павловичу пришлось взять на себя заботу о большой семье. Ломинский шутил, что получилось почти по пословице - восемь девок, один я. Так и было. В двух комнатах их квартиры жили сам Георгий Павлович с женой и дочерью, мать его жены, три сестры жены и его сестра. И это в военное лихолетье. Выручал небольшой огород, на котором выращивали картошку, капусту, морковь, просо... Еще очень пригодилось умение тещи варить из кормовой свеклы па-току и жарить картошку на воде. Уже в послевоенное время в квартире поселилась коза - спасали дочь. Семья жила на четыре карточки для служащих (на каждую полагалось 450 г хлеба) и офицерский аттестат Ломинского.

Однажды Георгию Павловичу выдали на службе американский кожаный костюм - куртку и брю-

ки. Из брюк получилась еще одна прекрасная куртка - для Марии Ивановны. Это была почти роскошь. Правда, походить в обновке удалось недолго - одна из сестер уезжала учиться в институт, а поскольку зимней одежды совсем не было, то по решению семейного совета куртка была передана ей. Жили трудно. А Мария Ивановна, вспоминая это время, говорит о встрече Нового года в офицерском клубе, о друзьях, которых всегда было много в тесной квартирке, о смехе и шутках, которыми Георгий Павлович пронизывал все дни. И добавляет: "я была счастливым человеком".

В 1947 году капитан Ломинский был приглашен на беседу в ЦК КПСС. Беседовал с ним некто по фамилии Щёлкин, расспросил Георгия Павловича, чем тот занимается и предложил продумать вопрос о переезде к новому месту службы на интересную работу и еще на всякий случай заполнить длинную анкету. Вот и вся информация, которую получил Ломинский.

Как Георгий Павлович попал в поле зрения Первого Главного Управления (ПГУ), представителем которого и был этот самый Щёлкин, неизвестно. Но есть легенда, что во время службы Георгия Павловича на полигоне там же служил красноармеец по фамилии Зельдович...

Вернувшись домой, Ломинский глубокой ночью шепотом сказал жене, что ему предлагают на два года уехать. И тут же добавил: никому не говори!

- А что не говорить? - спросила Мария Ивановна. - Куда тебя направляют?

- Я и сам не знаю, но велели никому не говорить.

Через несколько месяцев пришел вызов – инженер-капитану Г.П. Ломинскому предлагалось убыть в распоряжение начальника 4 отдела Управления кадров Артиллерии ВС. Но тут возмутился начальник полигона: как так, неизвестно кому отдать молодого перспективного офицера, а ему и здесь неплохо служится – вот начальником отделения стал и дальше пойдет. И предложил Ломинскому не забивать себе голову ерундой и продолжать работу. А там, “наверху”, подождут и забудут. Через три недели – второй вызов. “Срочно откомандировать, в течение 24 часов доложить”. На следующий день, 1 февраля 1948 года, капитан Ломинский, оставив на полигоне многочисленную семью, отбыл в неизвестном направлении.

А потом стали приходить письма – устроился очень хорошо, живу в гостинице, приняли меня отлично, работаю научным сотрудником. И еще на имя Ломинской стали приходить денежные переводы – то на две, то на три тысячи рублей. Мария Ивановна таких денег и в руках-то никогда не держала. Тут же поехала в Москву и заказала себе новое пальто с красивым воротником. На полигоне людей немного, всё про всех известно. А если не известно, то придумают. Про Ломинского стали говорить, что он бросил жену и детей и скрылся. Ну еще бы – даже адреса не оставил и вообще неизвестно куда уехал. Так продолжалось до июня 1948 года.

ПРИХОД В АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

“А С АВИЛОВЫМ, КУРИЛОВЫМ,
ШАТИЛОВЫМ СОГЛАСОВАЛИ?”

«...А мне все кажется, когда думаю о Вас, что вижу перед собой совсем молодого, всегда веселого капитана Ломинского, начальника наших площадок с неизменным вопросом: “А с Авиловым, Куриловым, Шатиловым согласовали?...” Да, удивительное было время - 1947-1953 годы, - удивительное и неповторимое...»

Декабрь 1983 г.

*(Из новогодних открыток
З.М. и В.А. Цукерманов
М.И. и Г.П. Ломинским)*

В феврале 1948 года капитан Ломинский прибыл на новое место службы. Но почему-то в письмах домой не пишет, где находится, чем занимается. Что же это за место? Было ли у него хотя бы название? Было, и не одно. “Первыми кодовыми обозначениями³ были “объект-550” и “база-112”. С весны 1949 года приказом ПГУ было введено новое условное наименование - “Приволжская контора Главгорстроя СССР”. Оно держалось довольно долго, имело несколько вариаций - “Склад Главгорстроя”, “База Главгорстроя”, но чаще всего ис-

³ Е.А. Негин и др. Советский атомный проект. Арзамас-16, 1995.

пользовалось слово “контора”. А параллельно с ним - разнообразные “почтовые ящики”, номера которых менялись, как неустойчивая погода ранней весны, - 49, 51, 214, 975...” За всеми этими наименованиями скрывалось Конструкторское бюро при лаборатории № 2 Академии наук СССР, перед коллективом которого в апреле 1946 года была поставлена одна-единственная задача - сделать атомную бомбу.

Ломинский прибыл на объект, когда работа, в том числе и по отработке отдельных узлов первого изделия, кипела вовсю. Но в каких условиях! Производственная база, в том числе и база по экспериментальной отработке узлов находилась в состоянии, мягко говоря, неудовлетворительном. С наращиванием темпов и объемов опытно-экспериментальных работ это становилось все более очевидным.

“До того момента взрывные работы велись без каких-либо единых организационных начал. Каждый руководитель проводил работы на свой страх и риск, руководствуясь лишь теоретическими знаниями и небольшим практическим опытом. Зачастую технологии взрывных работ в разных группах не согласовывались между собой ни по времени, ни по характеру ожидаемых последствий, что иногда приводило к курьезам, по счастливой случайности оканчивающимся без тяжелых последствий. Часто бывали случаи, когда изготовление взрывных устройств, их транспортировка к месту взрыва и перевод их в боевое состояние осуществлялись с грубейшими нарушениями элементарных требований техники безопасности.”⁴ Само собой напрашивалось создание службы, которая устранила бы хаос в проведении взрывных работ. Этим и занялся молодой

⁴ В.И. Жучихин

начальник отдела полигонов - Георгий Павлович Ломинский.

Каким увидели своего нового коллегу сотрудники объекта? Георгий Павлович был среднего роста, плотного телосложения. Военная форма сидела на нем как влитая. Особенно поражало то, что, несмотря на непролазную грязь на полигонах, сапоги у него всегда были вычищены до зеркального блеска. Отметили сослуживцы и бодрый, жизнерадостный характер капитана, его неугасимую энергию и прекрасное чувство юмора. В ходе совместной работы проявились и другие его черты - требовательность, но без излишней придирчивости, профессионализм - но без высокомерия и чванства. И еще одно свойство характера - Ломинский не терял оптимизма ни при каких обстоятельствах. "Рассерженным я его видел, - отмечает М.Н. Нечаев, - а вот унылым - ни разу".

К преобразованиям он приступил чрезвычайно тактично. Действуя спокойно и крайне доброжелательно (еще Я.Б. Зельдович говорил: "Матом не построишь атом"), Георгий Павлович быстро установил железную дисциплину на испытательных площадках. Впрочем, это не означало ущемления прав взрывников. При решении вопросов, как отмечают работавшие с ним специалисты, он всегда стремился достигнуть позитивных результатов, изыскивая возможность решить задачу в общих интересах.

Георгий Павлович сразу проявил себя как талантливый руководитель. Во-первых, он с самого начала удачно решил кадровые вопросы в отделе. Начальниками площадок были назначены офицеры инженерных войск, что несомненно дисциплинировало людей. Заместителем Ломинского стал стар-

ший лейтенант Николай Степанович Повышев, хорошо знавший взрывное дело и имевший большой опыт работы с взрывчатыми материалами. Опорой Ломинского стали также И.П. Михеев, Ю.А. Ворошилов, Ю.Н. Горелов, Н.Ф. Шумейко и А.А. Корнилов.

За короткое время из людей самых разных возрастов, характеров, интересов сложился дружный коллектив, который сотрудники объекта стали называть "площадочной командой". Это название, видимо, точно отражало взаимоотношения, сложившиеся в отделе, - они действительно стали единой командой. И дело не в том, что отныне на полигонах царила дисциплина не хуже, чем на военных объектах. Ломинский, при всей своей требовательности, никогда не забывал, что он работает не с автоматами, а с людьми, которые могут уставать, ошибаться... Одна из сотрудниц испытательной площадки вспоминает, как однажды вечером, уходя домой, забыла убрать на склад ящик с капсюлями-детонаторами. И утром Георгий Павлович обнаружил его стоящим у дверей каземата. Надо вспомнить то время и культ секретности, насаждавшийся на объекте, чтобы понять, какие меры могли бы быть приняты. Представители ведомства Берии могли раздуть громкое дело и из меньшей оплошности. Отправление с "объекта" в места не столь отдаленные в случае обнаружения столь вопиющего проявления халатности - а может быть, и чего-то похуже - было вполне реально. Вот бы где молодому начальнику отдела проявить бдительность! Вместо этого Ломинский тихонечко убирает ящик на склад и просит женщину быть повнимательнее. Неудивительно, что коллектив любил своего руководителя и за доверие платил доверием.

Второй, самой сложной и срочной задачей было перевоспитание сотрудников, приезжавших ставить опыты. Ведь все прибывающие на работу молодые специалисты, инженеры, научные сотрудники жаждали скорее сделать открытие и устремлялись на площадки порой с очень сомнительными идеями.

Как на практике выглядела любовь молодых специалистов к самостоятельности на полигонах, рассказывает М.Н. Нечаев: “У нас с В.П. Феодоровым возникла однажды мысль, которую мы, ни с кем не посоветовавшись - сами с усами, - решили проверить при взрыве. Мы взяли примерно полкилограмма тротила, тротил должен был отстрелить какую-то пластину, которую мы хотели сохранить. Нашли ящик, набили его грязью, над ним поставили две железобетонных плиты, каждую из которых мы с трудом подняли, между ними подвесили этот самый заряд. Зашли в каземат, никого не предупредили - что там полкило, там рвали по 100 кг. Спрятались, нажали кнопку, заряд шарахнул как следует, вышли - и самое удивительное для нас - мы ничего не нашли. Как будто ничего не ставили - ни ящика, ни плит. Как было до нашей возни ровное место, так и осталось. Мы уныло пошли ковыряться в грязи, ничего найти не можем. Потом я посчитал, что полкилограмма тротила могут с плитой сделать - знал бы раньше, я бы никогда не решился нажимать эту кнопку. Вдруг слышим набор самых различных выражений - летит Ломинский. “Меня, - говорит, - вашей плитой чуть не убило”. Ее швырнуло за обваловку, и она шлепнулась на дороге, по его словам, “прямо перед моим носом”. Думаю, что это не совсем так, но как она летела, он, наверное, видел. Вот тогда мы с ним близко и познакомились, потому что он спросил,

кто мы такие. Дал он нам отчаянную выволочку, но мы на него за это не в обиде. После этого здоровались”.

Ломка установившихся “до пришествия Ломинского” вольных традиций прошла безболезненно, без обострения взаимоотношений между взрывниками и работниками площадок. Этому способствовало умение Георгия Павловича найти правильный подход к любому, даже строптивому, знающему себе цену научному сотруднику и подчинить его своей воле, требующей соблюдения необходимых правил безопасности взрывных работ. “У Ломинского, - говорит Г.А. Цырков, - было очень удачное сочетание - он был требовательным и в то же время умел показать, разъяснить человеку на примерах, почему это нужно делать так и к чему может привести отступление от правил. У физиков, теоретиков он пользовался не только авторитетом, но можно сказать - любовью, хотя иногда эти ученые могли быть очень занозистыми, обижаться, что какой-то капитан учит их, как нужно делать эксперименты”.

Георгий Павлович несколько раз в день бывал на рабочих местах сотрудников, готовящих и проводящих взрывные работы, дотошно вникал в технологию проводимых работ, следил за соблюдением правил безопасности. Причем присутствие его на всех этих работах не было обузой, никому и в голову не приходило подумать, что Ломинский выискивает какие-то изъяны в работе, чтобы потом разразиться репрессиями за выявленные погрешности. Свое пребывание на рабочих местах Георгий Павлович всегда сопровождал рассказами каких-либо смешных историй и как бы между прочим вкладывал в эти рассказы замеченные им отклонения от правил безопасности. Таким образом, довольно

быстро весь коллектив экспериментаторов проникся к Ломинскому большим уважением и считал его своим коллегой в совместной работе по решению больших, совсем неведомых до тех пор и весьма актуальных проблем.

Следующим шагом была разработка и внедрение в практику правил проведения работ на полигонах. Ломинский не просто разрабатывал порядок проведения работ - он стремился воспитать в сотрудниках культуру эксперимента. В сжатые сроки были созданы инструкции, регламентирующие порядок перевозки, хранения и использования по назначению взрывчатых материалов, порядок проведения взрывных работ и отчетности использования взрывчатых материалов. На самих испытательных площадках была организована диспетчерская служба. На всех внутриплощадочных дорогах установлены светофоры, запрещающие несанкционированный проезд и проход, у каждого каземата установлены звуковые сирены, включаемые диспетчером перед каждым взрывом на площадке. Было введено дежурство машины "скорой помощи" при производстве взрывных работ, и предпринят ряд других шагов. Кроме того, сотрудники Ломинского взяли на себя перевозку узлов и деталей из взрывчатых веществ до испытательной площадки или временного склада-хранилища. Одновременно был установлен порядок допуска лиц к самостоятельному проведению взрывных работ. Работа разрешалась только в присутствии сотрудников полигона - в обиходе "площадочной команды". Все знали, что если "забыть" захватить с собой диспетчера, кладовщика, электрика и еще кого-то из этой службы, то работа на площадке не состоится: охрана не пустит, и ни в одно помещение не войдешь. Сна-

чала строгие правила, устанавливаемые Георгием Павловичем, казались некоторым чрезмерными. Но со временем экспериментаторы поняли горькую истину - "инструкции по технике безопасности пишутся кровью"⁵. Словом, уже через год испытательные полигоны работали, как хорошо отлаженный механизм, а все работающие на площадках понимали, что их сохраняет бог и Ломинский.

Конечно, не обходилось и без неприятностей. Ошибки, совершенные взрывниками, подлежали тщательному разбору, а виновные - наказанию. Но, по общему мнению, Георгий Павлович зря никого не наказывал и всегда тщательно следил за тем, чтобы невинные не пострадали. "В мае 1948 года, - вспоминает А.А. Бриш, - мне с С.И. Борисовым было поручено провести взрыв примерно сотни искровых электродетонаторов для определения пробойного напряжения на волновой схеме с длительностью импульса в одну десятую микросекунды. И вот когда мы подорвали несколько десятков капсюлей, произошел сбой. Борисов не успел до конца опустить электродетонатор в защитное устройство и вскрикнул - продукты взрыва попали ему в глаз. Глаз покраснел, стал чесаться. Мы стали гадать - что делать? Когда приехали в Саров, был уже совсем вечер, поликлиника закрыта... Мы понадеялись, что все пройдет. Однако к утру выяснилось, что ничего не прошло. У Борисова началось воспаление, и он потерял 30 процентов зрения. И конечно, положив руку на сердце - при таком случае нужно было наказывать... Я думал - вот сейчас начнут разбираться в этом вопросе и меня просто лишат права проведения взрывных работ, а это для меня была бы такая травма, которую даже трудно

⁵ Л.М. Тимонин

себе представить. И вот что удивительно - Ломинский, который должен был заняться этим делом и наказать, проявил исключительную доброжелательность. Он поговорил с нами, все выяснил и не дал делу никакого хода. Никакого наказания, никакого приказа - я был просто поражен. Но я понял, насколько нужно быть осторожным, поскольку при массовых взрывных испытаниях человек может ошибиться, а любая ошибка для него может кончиться трагично".

Наведением порядка в работе полигонов Ломинский не ограничился. Им был разработан и, после тщательного обсуждения, одобрен руководством предприятия целый план модернизации испытательных площадок. И предложение, и реализация этого проекта были столь успешными, что полигоны объекта, перестроенные "по Ломинскому", успешно работают вот уже без малого пятьдесят лет.

Главная забота Ломинского заключалась в том, чтобы обеспечивать проведение работ на полигонах. В его ведении находились казематы, насыщенные сложной аппаратурой, которые нужно было содержать в работоспособном состоянии. С приближением сроков окончания работы над первым изделием объемы взрывных экспериментов все возрастали. Кроме того, самому эксперименту, длившемуся доли секунды, предшествовали многочасовые подготовительные работы. Поэтому Ломинский взял на себя дополнительные хлопоты - его службы стали выполнять значительную часть работ, предшествующих опыту. Задача эта была тяжелая и неблагодарная. Вот, например, испытывают изделие весом около 3 тонн. Значит, нужно построить громадный трехметровый эшафот, водрузить на него изделие. А потом, после эксперимента, убрать му-

сор и вновь строить сооружения для следующего опыта. И так день за днем.

Работа рутинная, но предсказать, чем придется заниматься завтра, было трудно. “Нужно было провести исследования свойств одного вещества, - вспоминает З.А. Альбиков, - и для всех это было головной болью, потому что если это вещество распылится...

- А что можно сделать? - поинтересовался Ломинский.

- Да вот домик построить типа санпропускника, чтобы там была раздевалка, горячая и холодная вода. Правда, времени осталось совсем мало - дня два.

Через два дня приезжаем - домик стоит. Георгий Павлович быстро принимал решения и быстро их реализовывал, если это было связано с безопасностью людей”. Работа на полигонах просто кипела - сотрудники площадок трудились в две смены, обеспечивая подготовку и проведение экспериментов. Не было ни одного случая, вспоминают старожилы объекта, когда бы опыт не состоялся по вине специалистов Ломинского. В выходные дни, когда загруженность площадок была минимальной, сотрудники полигонов при обязательном участии Георгия Павловича производили чистку площадок - уничтожение бракованных деталей и взрывчатых материалов.

Уже к лету 1948 года стало ясно, что на объекте Ломинский пришелся ко двору. А значит, и двухгодичной командировкой пребывание Георгия Павловича в КБ-11 не ограничится. Поэтому в июне 1948 года Ломинский, по-приятельски “одолжив” грузовик у коллег, поехал забирать семью с подмосковного полигона. Переезд, как гласит народ-

ная пословица - это стихийное бедствие, равное двум пожарам. На Ломинских это правило распространить не удалось бы при всем желании. Действительно, что трудного в перевозке стола, детской кровати и пары чемоданов. Категорически отказавшись забронировать квартиру, Ломинский посадил в машину жену и старшую дочь и повез семью к новому месту службы.

К объекту подъехали около трех часов ночи. Колючая проволока и строгая охрана произвели на Марию Ивановну ужасное впечатление, а колонны заключенных лишь усилили его. И она тут же твердо решила, что надолго они здесь не останутся. Забегая вперед, скажем, что прожили они здесь "всего" десять лет. Поселились в финском домике. Георгий Павлович пропадал на полигоне. Мария Ивановна работала. Дочери подрастали. Появлялись новые друзья. "Шутов, Бронников, Захаренковы, Нецветовы, Матвеевы, Жучихины, Цырковы, Апполоновы - у нас была хорошая, веселая компания", - вспоминает Мария Ивановна. Вместе встречали праздники, выезжали на природу, ходили в кино, в театр. "И даже такое доверие я заслужил у семьи Ломинских, - вспоминает Г.А. Цырков, - что на мою ответственность оставляли маленькую дочь - Милу, которой тогда было всего полтора годика. Мария Ивановна с Георгием Павловичем куда-то уходили, а я сидел за няньку с Милой". Постепенно налаживался быт. Заботы о хлебе насущном на объекте стояли не столь остро, как на "большой земле", и можно было переключиться с выращивания картошки на более интересные дела. Георгий Павлович вспомнил увлечение юности - авиамоделирование - и по вечерам из подсобных материалов что-то строгал, шлифовал, кле-

ил... После нескольких дней работы дощечки превращались в планеры, которые он и запускал по выходным, к восторгу окрестной детворы.

“РОССИЯ ДЕЛАЕТ САМА”

Так летело время. И все ближе было лето 1949 года - лето, в которое решилась судьба первой отечественной атомной бомбы, коллектива ее разработчиков и, может быть, как ни громко это прозвучит, судьба страны. На полигонах КБ-11 велись последние работы - в течение многих дней круглосуточно проводились испытания на надежность функционирования системы дистанционного подрыва, которой предстояло осуществить срабатывание атомного заряда. На круглосуточную работу перешел и Ломинский. Он успевает все - следит, привозят ли испытателям горячий обед, обеспечивают ли их необходимой аппаратурой, лично руководит комплектацией и отправкой экспедиции на Семипалатинский полигон. Один за другим уходят эшелоны с оборудованием и специалистами. В конце июля 1949 года Георгий Павлович тоже перебирается на полигон. Здесь Ломинский становится хозяином испытательной площадки, на которой сооружены сборочное здание, металлическая башня и грузоподъемные механизмы. В задачу небольшой группы под его началом входила аттестация на соответствие конструкторской документации всех сооружений, механизмов и технологического оборудования и их эксплуатация, а также перевозка заряда от сборочного цеха до площадки и подъем заряда на верхнюю площадку башни. Аттестация не обошлась без курьезов. Во время приема в эксплуатацию башни, лифтового и подъемного оборудования Георгий

Павлович обнаружил, что яма в основании башни, необходимая для размещения пола клетки, зацементирована до уровня площадки и вкатить тележку с зарядом, как предусматривалось в проекте, будет невозможно. Усовершенствование было произведено по распоряжению Николая Ивановича Нецветова, представителя КБ-11, курировавшего строительство объектов полигона. Основание для такой модернизации было веским - заглядевшись на башню, в яму может свалиться начальство. Пришлось исправлять положение и выдалбливать полуметровое углубление в бетоне.

Итак, через полтора года после начала работы в КБ-11 Ломинский оказывается на Семипалатинском полигоне, где идет подготовка к испытанию первого отечественного атомного заряда. Одно это показывает, как высоко руководители КБ ценили своего начальника отдела полигонов. На первом испытании лишних людей не было. Попасть в состав экспедиции - это и высокая честь, и такая же ответственность. А Ломинский не просто в составе экспедиции - ему надлежит участвовать в заключительной операции подготовки заряда к испытанию. Эту операцию и он, и все участники испытаний проведут четыре раза. Сначала - генеральные репетиции. Как вспоминает В.И. Жучихин, в ходе этих репетиций проверялись точность инструкций, взаимодействие всех служб полигона, надежность функционирования аппаратурных комплексов и систем управления ими; люди приобретали навыки по выполнению регламентированных операций. Трижды - 14, 18 и 22 августа 1949 года - в одной и той же последовательности будет отработан ряд операций. Перевозка макета заряда, его подъем на башню, условное его снаряжение капсюлями-детонаторами,

затем спуск макета на землю, загрузка его в автомобиль, транспортировка на удаленную за 7 км от центра опытного поля временную площадку и установка там на сооруженный деревянный постамент, затем подрыв макета заряда.

29 августа 1949 года все было по-настоящему. В 4.30 заряд поднимается на верхнюю площадку башни. В 5.00 начато снаряжение заряда капсюлями-детонаторами (КД). Руководит операцией Кирилл Иванович Щёлкин, контролируют А.П. Завенягин и А.С. Александров. Первую полюсную пробку с КД вставляет лично Щёлкин. Далее снаряжение проводит Ломинский, ему помогает С.Н. Матвеев. В 5.40 снаряжение заряда завершено. Люди покидают башню. В 7.00 над Семипалатинским полигоном вырастает первый ядерный гриб. Отечественное атомное оружие становится реальностью.

Если бы Ломинский в этот день ушел из КБ-11, если бы он больше ничего не сделал в атомной отрасли - все равно он вошел бы в историю создания отечественного ядерного оружия. Но Георгий Павлович сделал неизмеримо больше. Институт, руководимый им почти четверть века, разработал более половины образцов ядерного оружия, до настоящего времени находящихся на вооружении. Но это потом. А пока участники первого испытания возвращаются домой. Их ждет работа.

Говорят, после первого испытания шутники приставали к К.И. Щёлкину с вопросом - куда он дел бомбу. "Ты же расписался в ее получении, а где она?" Предусмотрительный Ломинский с того первого испытания прихватил ключ от башни, на которой была установлена исчезнувшая "щёлкинская" бомба. (Кстати, не только бомба, но и сама

башня тоже испарилась в буквальном смысле этого слова.) После испытаний 12 августа 1953 года первой термоядерной бомбы, которую он снаряжал вместе с А.Д. Захаренковым, Ломинский стал владельцем ключа еще от одной башни. И долгие годы хранил их, пока не пришло время ключам занять место среди экспонатов в музее ядерного оружия ВНИИТФ.

РАБОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Успешным испытанием первой атомной бомбы была доказана возможность и необходимость продолжения работ по созданию отечественного ядерного оружия. А значит, и задачи КБ-11 становились более масштабными. Появилась необходимость создания службы безопасности, которая разрабатывала бы единые для всех подразделений объекта требования к технологическим процессам, исключающие возможность возникновения аварийных ситуаций и условий, угрожающих здоровью сотрудников, и осуществляла бы контроль за выполнением этих требований.

Такой отдел техники безопасности был создан в 1950 году, и руководителем его, по предложению К.И. Щёлкина, был назначен Георгий Павлович Ломинский. А еще через два года Георгий Павлович становится помощником директора предприятия по технике безопасности и вплотную занимается этими вопросами до 1955 года.

Какое значение придавало руководство КБ-11 организации этой службы, поясняет то обстоятельство, что инструкция по работе с электродетонаторами была разработана лично Ю.Б. Харитоном.

Опять Ломинскому - теперь уже майору - пришлось заниматься совершенно неразработанными вопросами, начинать сначала. Сложность состояла в том, что приходилось разрабатывать правила для безопасного обращения с новыми материалами и технологиями, про которые зачастую было известно только то, что они опасны. И опять ему удалось блестяще решить задачу. В очень короткие сроки был разработан ряд основополагающих документов, таких, как общая инструкция по работе на площадках, инструкция по перевозке взрывчатых материалов автотранспортом, были разработаны "Временные правила при проведении взрывных работ", составлены программы обучения. Были введены книжки взрывников, создана целая школа проведения взрывных работ, организован отдел дозиметрического контроля, создана группа спецперевозок.

Можно еще долго перечислять, какие инструкции были написаны, какие программы и правила внедрялись в практику по инициативе или же при активном участии Ломинского. Но дело не в количественных показателях. Заслуга Георгия Павловича - и это специалисты признают безоговорочно - состоит в том, что им были разработаны принципиальные положения техники безопасности, впоследствии внедренные на всех предприятиях системы Минсредмаша, основные правила, по которым до сих пор строится работа. Структура, предложенная Ломинским в 50-х годах, была использована и прекрасно сработала в 1986 году при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Может сложиться впечатление, что Ломинский целиком ушел в бумажную работу - но это не так. Георгий Павлович по-прежнему не вылезал с пло-

щадок, лично присутствуя при опасных операциях, не ленился “стоять над душой” взрывника и проверять правильность проведения работ. Об одной из таких ситуаций рассказывает З.А. Альбиков: “В 1953 году проверялась технология изготовления нейтронного источника для одного из крупных изделий. На площадке взрывным способом перемещивался плутониево-иридиевый источник. После проведения эксперимента на месте взрыва остался шарик. Было неизвестно, произошла ли реакция, сделан был источник или нет. Я как раз должен был померить, есть ли там нейтроны. Была вероятность того, что источник негерметичный и на поверхности есть “грязный” материал. Я, в то время молодой специалист, чувствовал себя очень неуверенно. Ломинский, для того чтобы поддержать меня, предложил пойти к источнику вместе. Мы подошли, проверили, источник оказался “чистым”, слава Богу, потому что в противном случае нас долго пришлось бы отмывать”.

Работой на полигонах деятельность Ломинского на объекте не ограничивалась. Старожилы Арзамаса-16 знают, что архитектурный ансамбль города некогда был богаче. На том месте около колокольни, где сейчас разбит сквер, стоял Успенский собор, построенный во 2-й половине 18 века, а рядом - храм Живоносного источника, более известный первопоселенцам, как столовая “веревочка”. Вскоре после того, как на бывшей территории Саровского монастыря расположился “объект” - КБ-11, оба здания были взорваны.

В двух ядерных центрах твердо убеждены, что сделал это Г.П. Ломинский. На самом деле это предположение недалеко от истины. Ломинский руководил работами по подрыву меньшего здания,

в котором располагалась столовая. Пятиглавку же подрывал его заместитель - Николай Степанович Повышев, поскольку Георгий Павлович в это время находился в отпуске. Однако зачем вообще потребовалось взрывать собор? Повышев объясняет так: "По площади был проложен водопровод. Когда его прорвало, вода размыва грунт, который постепенно стал уходить в подземные помещения собора. Стена, обращенная к театру, стала наклоняться - наверху она отклонилась так сильно, что могла обрушиться в любой момент. Положение было критическим. На полигонах были прекращены взрывные работы с большими зарядами. Созвали ученый совет во главе с директором А.С. Александровым, на который был приглашен и я, и стали решать, что делать с собором. Строители предложили его разобрать, но не смогли. Тогда и было принято решение - подорвать здание, что и было сделано рано утром, в несколько приемов." А Георгий Павлович действительно проводил взрывные работы в городе, но взрывы эти были мирные - так готовили котлованы для жилых домов на улице Мира. Работал он и на доломитовом карьере в близлежащем совхозе.

Однажды искусство Ломинского спасло целый город. Было это весной. Река, на берегу которой находился небольшой город Темников, вскрылась ото льда, но лед не ушел вниз по течению, как обычно, а образовал на повороте реки целую плотину из огромных ледяных глыб. Вода хлынула на нижнюю улочку селения, сметая все на своем пути. Темниковский райисполком обратился за помощью к соседям - "объекту". И вовремя. Вода уже подступала к окнам домов, когда главный взрывник КБ-11 - капитан Ломинский - серией точно рассчи-

танных взрывов за считанные часы ликвидировал затор.

Георгию Павловичу вообще было свойственно использовать знания, полученные в Академии, не только на службе, но и в быту. Однажды Клоповы, Ломинские, Захаренковы и Цырковы на двух легковых машинах поехали в соседний город. Дорога была плохой, а из-за недавних дождей сделалась и вовсе непроезжей. Путешественникам предстояло преодолеть овраг, на дне которого образовалась огромная лужа. Полюбовавшись на то, как лошади вытаскивают из лужи застрявшие ранее машины, компания решила не испытывать судьбу и повернуть обратно. И тут Ломинский решил применить на практике знания из области механики. На глаз определив крутизну склонов оврага и прикинув вес автомобилей, он рассчитал скорость, которую должна развить машина, чтобы проскочить лужу. Расчеты оказались, ко всеобщему ликованию, верными. Овраг был преодолен.

В 1954 году Кирилл Иванович Щёлкин, бывший тогда заместителем научного руководителя КБ-11, написал служебную записку в адрес правительства СССР. В документе обосновывалась необходимость создания в Советском Союзе второго ядерного центра. Предложение было принято, и в апреле 1955 года родился новый институт, за годы своего существования сменивший множество названий - НИИ-1011, почтовый ящик 150, п/я В-2827, ВНИИ приборостроения - в настоящее время Российский федеральный ядерный центр - Всероссийский НИИ технической физики.

В Арзамасе началось разделение на “остающихся” и “отъезжающих”. Георгий Павлович странным образом попал в обе эти категории. С одной сторо-

ны, он был "отъезжающим" - то есть сотрудником "нового объекта". А с другой стороны, до 1958 года он находился на "старом объекте", поскольку ехать было некуда. Строительство нового института и города только начиналось. Ломинский оставался в Арзамасе в должности заместителя директора НИИ-1011.

Спектр деятельности его был весьма широк. Он должен был осуществлять подбор кадров для уральского института, организовывать работу оставшихся в Арзамасе подразделений, а фактически всего института, поскольку на Урал уехали только теоретики и математики, отправлять на новое место работы эшелоны с людьми и оборудованием и решать массу других задач.

"В 1955 году я был молодым специалистом, - вспоминает З.А. Альбиков, - меня переводили на Урал. В Москве была выставка новейших приборов для регистрации различных видов излучения. Ломинского я почти не знал, он меня тоже. Я стал проситься на эту выставку. Он спросил:

- Там что-нибудь интересное есть?

- Да, говорю, есть.

И он мне выписал доверенность, причем сумму не проставил - "какую нужно будет, такую и поставишь". Такое доверие меня очень удивило, но и заставило мобилизоваться, чтобы сделать эту сумму не очень большой, хотя он сказал:

- Что нужно будет, то и возьми.

А ведь я и проработал совсем немного..."

Доверие Ломинского и его заботу ощутили на себе многие молодые специалисты, начинавшие в Арзамасе. "Весной 1956 года я попал на "новый объект" - филиал нашего института, который располагался на территории "старого объекта", - вспо-

минает О.Н. Тиханэ. - Моя должность руководителя группы конструкторов, конечно, не требовала тесного или частого общения с руководителем такого уровня, каким был тогда Ломинский. Но он запомнил меня, как запомнил и многих других новых работников, прибывших на объект. Он помогал, поддерживал своих сотрудников, и здесь явно прослеживалось одно из основных качеств Георгия Павловича - быть доступным для своих подчиненных и оказывать конкретную адресную помощь всем, кто в ней нуждался, не по своему высокому положению, а по зову своей души и человеческой оценке конкретной ситуации”.

До конца 60-х “новый объект” жил “на два дома”. Казалось бы, о какой серьезной работе может идти речь? А получилось наоборот. “Когда все подразделения института съехались в нашем городе, у нас уже был за плечами опыт создания серии мощных ядерных бомб для оснащения стратегической авиации”⁶.

В 1958 году Георгий Павлович приезжает на “новый объект”. Начинается самый долгий и, как оказалось, самый важный этап в жизни Ломинского.

⁶ О.Н. Тиханэ

ДИРЕКТОР

СТАНОВЛЕНИЕ

В январе 1958 года Георгий Павлович переезжает на Урал. Здесь, на берегу Синары, растет новый город. Кстати, в выборе места его расположения Ломинский тоже принимал участие. Георгий Павлович приехал на новый объект раньше, чем собирался. И с первых дней, точнее с 11 января, стал исполнять обязанности директора НИИ-1011 - правда, недолго - на время болезни Дмитрия Ефимовича Васильева. А потом должности менялись, как в калейдоскопе, - главный инженер предприятия, заместитель главного конструктора предприятия, первый заместитель главного конструктора КБ-1 и начальник сектора, первый заместитель директора и главный инженер.

Начало 60-х годов - тяжелое время для молодого уральского центра. Смутное время. Складывается ощущение, что институт теряет почву под ногами. По крайней мере, для такого предположения были все основания. В 1958 году наложен мораторий на испытания ядерного оружия. В 1960 году институт покидает его научный руководитель и основатель - Кирилл Иванович Щёлкин. Весной 1961 года внезапно умирает директор института Д.Е. Васильев.

В сентябре 1961 года мораторий заканчивается. И сразу же коллектив постигает серьезная неудача - из четырнадцати ядерных испытаний в шести случаях заряды, в которых были реализованы

новые идеи физиков-теоретиков, сработали в нерасчетном режиме.

Директором института в это время работает Борис Николаевич Леденев, согласившийся занять эту должность после долгих уговоров. Испытывая тяготение к научно-конструкторской работе, он старался уделять административным делам как можно меньше времени, переложив их на плечи своих заместителей. Традиционно первым заместителем директора считался главный инженер предприятия - именно этот пост занимал Ломинский. Но в начале 60-х годов в силу различных обстоятельств соотношение сил в институте изменилось. Первым заместителем директора становится Н.В. Салтыков, а должность главного инженера сводится к третьей-степенной. Соответствующим было и отношение к производству. Как же повел себя Георгий Павлович в этой сложной для него, как человека и специалиста, ситуации? Смирился? Стал "качать права"? Послушаем очевидца: "Найти свое единственно верное место в структуре уникального научно-исследовательского института - дело далеко не простое. Особенно в обстоятельствах, которые складывались конкретно с учетом личностей директора, его первого заместителя, научного руководства, главных конструкторов. Но Георгий Павлович нашел такое решение в непростой ситуации. Он замкнул на себя не только проблемы развития опытных заводов, но и производство как таковое с его бесконечными заботами от материально-технического обеспечения до сроков выпуска опытных образцов изделий. Подбирая специалистов, строя цехи опытных заводов, Ломинский настойчиво наращивал мощности этого главного для него в то время направления. Более того, как неплохой психолог, он понимал, что мало

построить здания, поставить оборудование, набрать людей, надо прежде всего создать коллективы, сementировать их единой задачей и дать им почувствовать вкус успеха. Выполняются планы производства, платятся премии, уходит чувство ущербности. И наконец рухнул “комплекс неполноценности”, и это не у отдельных личностей, а в тысячных коллективах. Служить в его команде становится престижно. Одним словом, “гадкие утята” стали превращаться в “лебедей”, и уже не страшен ни черт, ни его “малютки”. Такое отношение к опытному производству и его специалистам пронес Георгий Павлович через все последующие годы, снискав тем самым у заводчан доверие и преданность”⁷.

Осенью 1964 года Ломинский находился в Москве, где ему было предложено возглавить НИИ-1011. Трудно сказать, насколько внезапным было для Георгия Павловича это назначение. По воспоминаниям близких, уезжая в командировку в столицу, Ломинский не был уверен, что ему предложат этот пост. Хотя можно предположить, что назначение было долгожданным и в какой-то степени предсказуемым.

Встает вопрос - почему Ломинский не был назначен на эту должность сразу в 1961 году? Однозначного ответа дать нельзя. Возможно, “наверху” сочли, что ГП (так называли его в институте) еще не готов для такой ответственной самостоятельной работы. Есть и другая версия - именно в это время в ЦК КПСС бытовала идея, что директорами научно-исследовательских институтов нужно, учитывая удачный пример С.П. Королева, назначать ученых. Однако назначение Б.Н. Леденева себя не оправда-

⁷ Б.Н. Беляев

ло. Было решено считать, что Ломинский прошел достаточную подготовку и как хозяйственник, и как человек, безусловно разбирающийся в том, что принято называть “основной деятельностью” предприятия, и готов к новому назначению.

Вернувшись домой в качестве директора, Ломинский принимал дела и поздравления. На последние отвечал, довольно потирая руки: “Долго в цепях нас держали!”

20 ноября 1964 года Г.П. Ломинский становится директором института. Начинается новый этап его жизни. Но без преувеличения можно сказать, что и для института это было началом нового периода развития.

Георгий Павлович Ломинский был директором уральского ядерного центра без малого четверть века - с ноября 1964 по июнь 1988 года. Это были годы наиболее стабильного развития института, период его расцвета. И одним из важных факторов, способствовавших этому расцвету, безусловно было то, что во главе предприятия стоял Ломинский.

Георгий Павлович был, можно сказать, рожден для того, чтобы стать директором такого института, как ВНИИП. Или наоборот - институт очень удачно подходил для такого директора, как Ломинский. Для того, чтобы ВНИИП работал нормально, нужно было обеспечивать баланс трех его составных частей - науки, производства и вспомогательных служб. ГП это вполне удавалось. “Может быть, - говорит В.И. Никитин, - он был иногда жестковат с наукой. Но тут существует вечное противоречие - наука всегда хочет больше, чем может дать производство. Поскольку директор знал технику, создаваемую в институте, мягко говоря, не понаслышке, то он участвовал в обсуждениях чис-

то технических проблем. Иногда это выглядело так: представители науки говорят: “Мы хотим провести Х испытаний”. Ломинский отвечает: “А мы можем позволить себе только Y. Изворачивайтесь как хотите. Даю столько, сколько могу”. При этом, конечно, он старался, чтобы этот Y был как можно ближе к X.

Но наука - это отдельный разговор. Достоинство Ломинского как директора как раз и состояло в том, что он не лез в “чужой огород”, в данном случае - в “огород” научного руководителя, просто из желания оставить за собой последнее слово. Он очень четко понимал свое место в институте, особых научных достижений за собой не числил и, будучи человеком трезвомыслящим, к ученым степеням, получаемым иными руководителями “*homois causa*”, не стремился.

А вот проблемы производства и вспомогательных служб - это его спархия. Сам генерал говорил об этом так: “Я директор, я должен обеспечивать, чтобы все крутилось, вертелось”. Зато и жаловаться сотрудникам института на нелепые сбои в организации работы в то время не приходилось.

Особенно много внимания Ломинский уделял вспомогательным службам. Раньше так назывались энергетики, снабженцы, железнодорожники, автомобилисты. “Отдавая приоритет основным подразделениям, он никогда не забывал и нас, так называемых “подсобников”, - говорит А.В. Опланчук. - А что греха таить, в институте в то время многие делили людей на “белых” и “черных”. Не было месяца, чтобы он не приехал в УАТ и, может, даже не вылезая из машины, сделал по территории круг. Потом звонил и спрашивал: “Что это у тебя там за гадюшник появился? Не позорь Всесо-

юзный институт". Понятно, что знать тонкости каждого направления производства один человек не может. Но и впечатления руководителя, обладающего самым общим представлением о специфике работы того или иного подразделения, Ломинский не производил:

"Мне, как первому руководителю подразделения института, занимающегося железнодорожными спецперевозками, пришлось сдавать сложные экзамены в комиссии института по ядерной безопасности, технике безопасности и организации работ. Председателем комиссии был главный инженер Г.П. Ломинский. Он задавал такие специфичные вопросы - о креплении изделий, особенностях их транспортировки, что я понял, что наше железнодорожное дело председатель знает досконально - насколько мне стало известно, в довоенное время он сам работал помощником машиниста паровоза"⁸. Сын железнодорожника, Георгий Павлович в какой-то мере ощущал и свою причастность к этой профессии. В 1977 году при его активной поддержке была создана новая технология организации работ в железнодорожном цехе, причем экономическая эффективность была столь велика, что авторы этой разработки - 6 человек - получили звание лауреатов премии Советских профсоюзов и дипломы, подписанные министром Е.П. Славским.

В 1964 году, когда началась "эпоха Ломинского", институт был еще очень молод. Строительство экспериментальной и производственной базы, научно-исследовательских комплексов, зданий и сооружений самого различного назначения шло полным ходом. Не все было гладко. В сложных ситуациях директору приходилось становиться арбитром

⁸ Ф.С. Калачиков

по самому широкому кругу вопросов. Об одном из таких случаев вспоминает А.И. Домнин: “После разработки проекта корпуса для мощного вибростенда к нам поступили данные, что возможное звуковое давление и виброчастоты стенда требуют создания железобетонного сооружения. Сообщили об этом Георгию Павловичу. Он приехал и по своей привычке обратился к нам: “Ну, братья-славяне, что вас беспокоит?” После нашего доклада, что при определенных частотах могут произойти разрушения конструкции, Георгий Павлович подумал и сказал: “Эти колебания мы проскочим мгновенно, и, думаю, ничего не случится”. Так и произошло - вибростенд и здание служат уже не один десяток лет”.

Справедливо будет отметить и то обстоятельство, что хотя проекты площадок разрабатывались специальным институтом, на их архитектурный облик существенное влияние оказывал и личный вкус Ломинского. В частности, когда проектировщики предложили соединить два трехэтажных здания основной площадки предприятия многоэтажным сооружением - по тем временам, настоящим небоскребом, ГП внимательно посмотрел на представленный проект и решительно зачеркнул несколько верхних этажей, заявив: “Пусть будет недоскреб”. Случались и такие ситуации, когда строительную инициативу проявляли не проектировщики, а директор. Именно Ломинский обратил внимание на то, что перед зданием основной площадки негде поставить машины. И по его специальному указанию была построена, а потом и расширена вместительная автостоянка.

Георгий Павлович Ломинский - последний, к сожалению, директор института, до последнего рабочего дня сохранявший заложенную в Арза-

массе-16 традицию личного участия в важных моментах жизни института. Важных не помпезностью мероприятия, а по своей сути. Может быть, это объясняется тем, что в первые годы существования атомного проекта так вели себя все руководители, и приход высокопоставленного лица в цех не был историческим событием? Как бы то ни было, главный инженер НИИ-1011 полковник Ломинский в начале 60-х годов лично сопровождал спецколонну с очередным изделием института от производственной площадки до аэропорта "Кольцово". А директор института генерал-лейтенант Ломинский во время выполнения особо опасных работ по разборке изделий на опытном производстве обязательно лично руководил операцией, и не из безопасной тиши кабинета, а стоял рядом с исполнителем, самым присутствием внушая ему уверенность в том, что операция пройдет нормально.

Впрочем, чаще от директора ждут не столько и не только личной смелости. Гораздо важнее - принять решение, взять на себя ответственность за возможную неудачу. И здесь генерал ни разу не потерял лица. К чести института, это можно сказать не только о Георгии Павловиче. Руководители предприятия - Г.П. Ломинский, Е.И. Забабахин, Б.В. Литвинов, составляли пусть не единодушную, но все же цельную команду, которая привела институт к солидным успехам. В работе этой команды, по мнению Л.Д. Рябева, проявлялась сильная сторона ВНИИТФ - конструкторский почерк. "Сама жизнь заставляла их больше внимания уделять оригинальным решениям. Они не боялись "издеваться над конструкцией" в хорошем смысле слова и тем самым выжимать из нее максимум возможного".

“Серия воздушных испытаний конца 50-х годов была для нашего института нелегкой и небывало изматывающей. Помнится одно изделие - “410”, которое было сделано от замысла до полного изготовления в рекордно короткий срок - 10 дней. С ним уже на финише всех работ случилось непредвиденное. Корпус заряда из легкого алюминиевого литейного сплава имел высокую пористость, не предусмотренную техническими условиями. Что делать? Заводчане доложили по команде. Руководство конструкторским подразделением негативно встретило сообщение. Однако, по указанию Ломинского, завод темпов не снижал и работа продолжалась. Сборка велась уже глубокой ночью. Первый заместитель Главного конструктора Павел Алексеевич Есин высказался против отправки на опыт изделия с таким качеством. “Есть немалый риск потери прочности корпуса. Стоит ли это такого риска, а за ним ответственности?” Ломинский, посчитав более целесообразным завершение сборки и доверяя мнению молодых тогда специалистов (расчетно-конструкторские оценки вел В.А. Бондаренко, впоследствии доктор технических наук), решил, что стоит. П.А. Есин возражал. Подняли с постели научного руководителя института Е.И. Забабахина, который, как и Ломинский, прибыв в сборочный цех и ознакомившись с оценками специалистов, посчитал, что в противном случае не будет получено результатов важного научно-технического опыта, и подчеркнул, что специалистам, пожалуй, стоит верить. “Будем отвечать все вместе, мы делаем одно дело”, - заключил Евгений Иванович. Ломинский и Забабахин в конечном счете оказались правы. Прочность изделия оказалась достаточной”⁹.

⁹ Ю.К. Чернышев

Один из сотрудников, долгое время работавший в институте, неоднократно наблюдавший ГП в тяжелых ситуациях, говорит удивительные слова: "Мне казалось, у него была такая черта - чем тяжелее ситуация (например, авария на производстве), тем он мягче обращался с людьми. Настраивал людей так, что они расслаблялись, не напрягались. И люди работали не за страх, а за совесть"¹⁰.

Георгий Павлович Ломинский был человек изобретательный. Впрочем, это его качество развивалось не столько от безудержной фантазии, сколько от бедности. Но результаты от этого хуже не становились. Вот лишь два примера: "Зимой 1962 года на Новой Земле проводились испытания ядерного оружия. Изделие на полигон надо было доставить по железной дороге. Температура окружающей среды по пути движения эшелона опускалась ниже минус сорока градусов, вагон неотапливаемый. Георгий Павлович принимает решение оборудовать вагон авиационным обогревателем, загрузив при этом необходимое количество горючего для его бесперебойной работы. Через 7 суток изделие без особого перепада температур было доставлено на полигон, и в декабре 1962 года ВНИИПом было успешно проведено испытание одной из самых мощных бомб в мире"¹¹.

Второй случай произошел позднее, когда Ломинский был уже директором института. "Как-то после одного из пусков первой морской ракеты Р-13 опытный образец упал за пределы полигона. Необходимо было по режимным, да и не только, соображениям откопать изделие, ушедшее в землю на глубину свыше десяти метров. Предприятие, к

¹⁰ А.В. Опанчук.

¹¹ С.Н. Покровский.

которому обратились за исполнением этой работы, запросило немалые суммы. Ломинский в ответ заявил: “мы сделаем дешевле сами”. И действительно, сварили металлические обсадные кольца, которые при проходке скважины тут же монтировались, предотвращая осыпание грунта в скважину, и решили задачу по извлечению изделия достаточно быстро и дешевле специализированного предприятия. Изобретательность и находчивость руководителя пришлись как нельзя кстати”¹².

Георгий Павлович обладал качеством, очень важным для руководимого им коллектива. Ломинский знал, в чем состоят интересы возглавляемого им института, и знал, как их защитить. Можно сказать, что ГП действовал по принципу, известному из песни: “чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим”. Такая решительность сочеталась с незаурядным дипломатическим искусством, что позволяло ему не только добиваться своей цели, но и сохранять добрые отношения с партнерами. “При разработке артиллерийских спецбоеприпасов, - рассказывает О.Н. Тиханэ, - возникли серьезные разногласия в оценке того, кто из организаций является головным разработчиком. При встрече, когда надежда договориться была уже почти утрачена, Георгий Павлович задал вопрос:

- Что вы делаете для спецснаряда? Корпус! Вот и хорошо. Так и подытожим: снаряд наш, а весь выстрел ваш!

Это прозвучало так убедительно и доходчиво, что на том и договорились. Этот принцип лежит в основе наших взаимоотношений с другими разработчиками комплексов вооружения и признается всеми...”

¹² Ю.К. Чернышев

Ломинский был не из тех руководителей, которые, покидая кабинет в конце рабочего дня, оставляют там и нерешенные дела. "В 60-х годах, - рассказывает А.В. Минько, - в институте складывалась очень напряженная обстановка по изготовлению изделий для натурных испытаний. Георгий Павлович, не считаясь со своим личным временем, и в вечернее, и в ночное время приезжал на площадки, где велись срочные сборочные работы. Вот как проходил один из таких визитов. Однажды наши специалисты работали на третьей площадке. Он не поленился съездить туда и посмотреть, чем же занимается народ. Было это часов в 10-11 вечера. Сотрудники собирали изделия, что-то забыли, отправили автобус на площадку, чтобы то, что нужно, привезти. А сами в картишки перебрасывались. На площадке, если идет посторонний, часовой дает предупреждающий звонок и пропускает. А тут генерал идет. Часовой - под козырек и пропустил. Ломинский тихонечко подошел и...

- Ага, вот так вот!

Звонит мне:

- Ты знаешь, чем твой народ занимается?

- Как чем? Работает.

- Приезжай, посмотри...

Я приехал, дал там разгон, конечно. На следующий день мы с ним встретились, поговорили. Я объяснил ситуацию.

- Да ладно! И тебя поднял, и народ испугал".

"Деловой, принципиальный, серьезный, требующий безусловной дисциплины, он в то же время был очень человечным, мог выслушать любого работника предприятия, вникнуть в суть вопроса, принять участие в судьбе человека. Жульничества, обмана не терпел. Но за ошибки, если они были

допущены не по злому умыслу, никогда не преследовал. Проводя кадровую политику, козней никому не строил. Успешной же его карьере способствовали острый ум и трезвая расчетливость”¹³.

“НЕ РАЗДУВАЙТЕ КАДИЛО”

“Не раздувайте кадило” - одно из любимых выражений Ломинского. Его слышали практически все, кому приходилось иметь с ним дело по самым различным вопросам. Что же стояло за этим выражением? Рассказывает Л.Д. Рябев: “На встрече с Георгием Павловичем речь зашла о развитии научно-технической базы. Во ВНИИЭФе мы много занимались ракетной дорожкой и ее развитием. Дорожка у нас была довольно внушительная - несколько километров. Ломинский с хитрецей сказал, что они пошли другим путем. Я спросил: каким путем?

- Мы сделали дорожку длиной 150 метров и проект привязали к такому месту, что он упирается в скалу. И что бы дальше наша наука ни делала, а дорожка развития не получит.

В этом примере - весь Георгий Павлович с его житейским опытом, с его хваткой и со сдержанным отношением к тем ресурсам, которые выделяются государством. Действительно, Ломинского отличал очень строгий подход к тому, как и куда расходуются средства. При этом пытаться переубедить его на примере других закрытых городов было невозможно. “Мы ему часто говорили: “А вот в Арзамасе...””

- Арзамас Арзамасом, а у нас свой город есть. Мы должны действовать таким образом, чтобы го-

¹³ А.А. Мигунов

сударственные деньги тратились с пользой, в меру, “без излишеств”¹⁴.

Насколько правильной была такая политика? Однозначного ответа дать нельзя. С одной стороны, очевидно, что Арзамас, не отличавшийся зас-тенчивостью в финансовых вопросах, сумел создать у себя мощную экспериментальную и производ-ственную базу, которую можно переориентировать в любом направлении, а ВНИИТФ, благодаря дей-ствиям генерала, оказался в более тяжелых услови-ях. Нужно ли ставить это в вину Ломинскому? Ве-роятно, нет. Не следует забывать, что если сотруд-ники КБ-11 пришли в атомную отрасль из большой науки и всегда тяготели к решению не только воен-ных задач, то в НИИ-1011 ситуация складывалась прямо противоположная. Костяк института соста-вили специалисты, изначально ориентированные на работу в военно-промышленном комплексе. Пер-воочередное внимание именно прикладным задачам уделяли и его руководители - в первую очередь Е.И. Забабахин и Г.П. Ломинский. Упрекать их за не-дальновидность вряд ли стоит - стихийные бедствия предсказать трудно.

Зато когда возникала необходимость, Ломинс-кий не скупился. И не боялся брать на себя ответ-ственность за принятое решение. Так было и в 80-х годах, когда строительство даже небольших объек-тов становилось проблемой. Здание бытового кор-пуса на испытательной площадке - полунасыпуш-ка - разваливалось на глазах. Пришлось его снести. Через две недели начальник площадки Н.С. Пovy-шев пришел к ГП на прием. И состоялся такой разговор:

- Снес?

¹⁴ А.И. Садоров

- Снес.
- А где будем людей переодевать?
- Надо строить новое здание.
- Денег нет, в титуле не значится.
- Давайте хозспособом.
- Да ведь нельзя. За это могут и засудить.
- Генералов не судят.
- Бывают случаи, и генералов судят.

Хорошее здание для рабочих полигона - последнее, что он успел сделать. "А сейчас и сарай не можем построить. Старой закладки был руководитель", - говорит Н.С. Повышев.

А вот к расширению парка "персонального" автотранспорта, приобретению дорогостоящей мебели в кабинеты и других "предметов первой необходимости" он относился очень принципиально, говоря про любителей решить свои проблемы за государственный счет: "Таким если дать свободу, отечество по миру пустят".

Производство генерал знал досконально. Ему не надо было ни показывать дорогу на полигон, ни объяснять, что и где у него находится. Посещения заводов, подразделений, площадок были неотъемлемой частью его рабочего расписания. Причем визиты эти носили деловой характер, и часть возникавших проблем удавалось решить на стадии их появления. Может быть, на это уходило много времени и было бы правильнее спросить заместителей, как обстоят дела на том или ином участке. Но это было не в характере ГП. Он предпочитал лично держать руку на пульсе института. Зато и чрезвычайные ситуации не становились для него громом с ясного неба. Результаты аварии на втором заводе он, по крайней мере, предсказал очень точно, хотя, может быть, и не вполне научно. "Однажды ГП с

каким-то генералом из военной приемки приехал на завод. Начальства не оказалось, позвали меня - я работал мастером - веди по участку, показывай, что и как. Показываю приезжему генералу - Ломинский-то и так все знает. Гость спрашивает:

- Большие детали прессуете?
- Большие.
- Сколько?
- Килограммов 400.
- А если "шлепнет", что здесь останется?

Ломинский внимательно посмотрел вокруг и задумчиво обронил:

- А ни....(чего) здесь не останется.

Проходит примерно полгода, у нас - "Бах!" - и в самом деле, ничего не осталось"¹⁵.

Какими бы проблемами ни занимался институт, сколь бы важную продукцию он ни выпускал - директор работает с людьми. Прежде всего с людьми. И поэтому думать ему приходится не только о финансовых или технических проблемах, но и о морально-нравственных категориях. Имеет ли право на существование ложь во спасение человеческой жизни? Такой вопрос встал перед Ломинским, когда в 1968 году на физическом котле быстрых нейтронов произошла очень тяжелая авария. Два специалиста попали в больницу. Комиссия работала всю ночь и к утру выяснила, что эти люди - не жильцы, такие огромные дозы облучения они получили. И на самом деле, один из пострадавших вскоре скончался, положение второго было практически безнадежно. "Мы поняли, что если сообщить в Москву, какую дозу он получил, то его просто не возьмут в больницу. И Ломинский моментально принял решение - он скрыл настоящую величину

¹⁵ И.С. Мухалов

облучения, хотя и знал правду, и сделал все, чтобы сотрудника быстро отправили в Москву, в шестую клинику. Там были предприняты новые методы лечения”¹⁶. Это не спасло человека, но мог ли директор лишить его последнего, пусть ничтожно малого шанса? Формально - имел полное право. Георгий Павлович этим правом не воспользовался.

“Это был простой человек и в то же время - огромная глыба. Он был тем ядром, вокруг которого мы совершали положительные вращения - и в рабочих вопросах, и в человеческом смысле. Говорят - на дураках свет держится. Так вот в хорошем смысле слова Георгий Павлович был одним из тех “дураков”. А мы учились у него, как быть “дураком”. Он никогда не старался показать своим поведением, что он важная птица, а мы должны вокруг него крутиться. Это было исключено. Он был человек интуиции и душой и сердцем всегда оказывал нам содействие. Если ГП сказал, что это будет сделано, значит, это будет сделано. Это был человек слова даже в мелочах, и не только по отношению к вышестоящим”¹⁷. “Он был директором такого крупного и серьезного института, - говорит Н.Н. Криулькин. - В нем - множество людей, высококвалифицированных специалистов и довольно маститых ученых, немного капризных и избалованных. Он нес на себе очень тяжелую ношу и, может быть, иногда сомневался, по плечу ли это ему. Но он с честью и достоинством нес звание генерала и директора”.

Как и всякому чиновнику, Ломинскому приходилось иметь дело с массой документации - как входящей, так и исходящей, как важной, так и не

¹⁶ З.А. Альбинов

¹⁷ А.А. Марков

очень. В бумажной лавине очень просто утонуть, если сразу не определить себе основные правила работы с документами.

Шумных, но неэффективных кампаний типа “борьбы за качество”, “экономии черного металла”, “сокращения служащих”, многие из которых рождались “в верхах” и были обязательными для внедрения, ГП не любил. Такие указания он считал симуляцией бурной деятельности и старался действовать таким образом, чтобы было как можно меньше ущерба для отлаженного механизма производственной деятельности института.

Правила ГП были очень простыми. И очень мудрыми. Во-первых, все документы делились на нужные и те, которые “для галочки”. “Он понимал, что “сверху” приходит половина документов пустых. Если просто написал фамилию - можно положить и не исполнять. Если приходило напоминание - писал: ответ по минимуму. Значит - отписаться. “Пришла одна бумага, в которой было написано “Положение о борьбе за лучшее подразделение Главка по охране труда и технике безопасности”. Георгий Павлович написал на этом положении: “Работать надо, а не бороться”¹⁸. Второе правило: все важные документы он читал сам. “Ни одна бумага не была просрочена, ни одна выполнена не вовремя. Если утром принес бумагу на подпись - после обеда ты ее получишь. Если он не успел в пятницу - приходил в субботу и всю почту просматривал. Если не подпишет - вернет. Но обязательно рассмотрит”¹⁹. Очень серьезно генерал относился к подготовке бумаг, которые отсылались за пределы города. Он просматривал документы и особое вни-

¹⁸ А.И. Сидоров

¹⁹ В.С. Миняев

мание обращал на стиль. Сам человек очень грамотный, орфографических ошибок не переносил. Они вызывали у ГП искреннее возмущение, и бумага тут же немедленно возвращалась исполнителю. Почти все это знали и старались “вычитывать” документы вплоть до запятой. Бывали и срывы со стороны новичков, которые пытались подсунуть ему небрежно составленную бумагу. Тогда документ возвращался с соответствующими визами. “Я помню, как он первый раз провел со мной “воспитательную работу”. Я подготовил какую-то бумажку. Бумага была неплохая, но при ее подготовке, как обычно, очень торопились. Я отдал ее перепечатать и, не читая, подмахнул. Принес Георгию Павловичу. Он сел. Читает-читает, я смотрю - брови строго свел. И спрашивает меня: “Ты бумагу читал?” Я слегка растерялся. Сказать - “читал”? Текст-то я знаю, естественно, но я не читал ее после перепечатки. А он на меня смотрит. Я говорю: “Я ее готовил, правда, бумага “с машинки”.

- Ты какое образование имеешь?

- Высшее, правда, техническое.

- Ты по русскому и литературе “два” имел. Тут две ошибки.

Вылетел я из его кабинета. После этого я до сих пор те бумаги, которые ношу по инстанциям, читаю по пять раз”²⁰. Естественно, что сотрудники института обращались к Ломинскому со всевозможными служебными предложениями и ходатайствами. Реагировал он на такие обращения по-разному. Но без внимания не оставлял. Вот два совершенно противоположных примера: “Году в 67-68 я работал на Северном полигоне. Там, как известно, есть три компонента: очень длинные штольни,

²⁰ А.В. Опанчук

очень холодно и очень сухой закон. А чтобы промывать аппаратуру, нужен спирт. С этой просьбой я к Ломинскому и пришел. “А сколько тебе?” - спросил генерал. Ну, думаю, много не даст, даст половину того, что попрошу. И шлепнул: “литров сто”. Он пишет: выдать три молочных бидона”²¹. Такой щедрости испытатель явно не ожидал. Но не отказываться же от ценного продукта... С другим ходатайством директор обошелся гораздо круче: сотрудники одного из отделов управления решили, что неплохо бы поездить по командировкам - благо страна большая и красивых городов много. И написали на имя директора соответствующую записку - просим командировать для обмена опытом... И города указали - Москва, Ленинград, Киев, Минск, Вильнюс, Рига... Резолюция Ломинского: “А в Париж не хотите?”

Но это крайности. А вообще-то в воспоминаниях сотрудников Ломинский предстает руководителем очень внимательным к тем, кто его окружает. Но и требовательным тоже. “Георгий Павлович, - говорит его секретарь Т.А. Афанасьева, - был человек военный, а потому и сам очень дисциплинированный, и от других ждал того же. Он и нас приучал к этому - мы и представить себе не могли, что можно не вовремя прийти на работу”. Иногда можно было наблюдать такую картину: начало рабочего дня. Ломинский стоит под часами, висящими на здании управления, и, зная многих людей в лицо, наблюдает, кто опаздывает на работу. “Георгий Павлович был чрезвычайно воспитанным человеком, - добавляет Г. В. Антонец. - Я отработала с ним с 1979 по 1983 год - и ни разу не слышала, чтобы он на нас повысил голос или хоть как-

²¹ З.А. Альбинов

то обидел. Был чрезвычайно внимательным. Я помню один случай перед ноябрьскими праздниками. Тогда было очень плохо с продуктами, вещами, и было модно заходить не в центральную дверь магазина, а с обратного входа. Он вышел из кабинета в приемную и сказал: "Так, девочки! Мне пока не говорят, и я очень рад, что вы не ходите в эту дверь. Предупреждаю! В магазинах ничего нет. Кто-нибудь вас начнет соблазнять дефицитами. Составьте список - мой шофер вам все купит. Девочки, не опозорьте меня". Мы не то что его боялись - мы боялись его подвести. Не дай Бог, мы где-то оброним какое-то слово или не так себя поведем и это повлияет на авторитет нашего руководителя. К каждому празднику он дарил нам коробку конфет. И обязательно в праздники объезжал все площадки, поздравляя сотрудников института. Эту его привычку знали и его всегда ждали.

Когда Георгий Павлович болел, мне часто приходилось носить документы ему домой. В таком случае он обязательно угощал чаем, а на мои слова, что я только что пила чай на работе, отвечал: "Пока шла, могла проголодаться"²².

Забота об удобстве сотрудников распространялась не только на ближайшее окружение генерала. Ломинский обращал внимание на мелочи, которые были, с одной стороны, "не царским делом", а с другой - здорово досаждали людям.

"Я помню, однажды было очень сухое лето, когда вокруг города горели леса. Каждое производство выставляло свою бригаду по тушению пожара, и эти бригады, сменяя друг друга, работали круглосуточно. Там же, на месте, было организовано их питание. И вот в один из четвергов того года

²² Г.В. Алтуневич

идет строительная оперативка. Входит мужчина с первого завода и передает мне записку, где говорится о том, что люди работают, а завтрак не привезли. Я записку передала директору. Ломинский ничего не стал говорить там, на оперативке. Он вышел сам в приемную, вызвал ответственных за питание и говорит: “Меня интересует: вы сегодня позавтракали?” Они в растерянности: “Да, позавтракали...” “Ну... Вы сегодня ни обедать, ни ужинать у меня не будете”. Потом он поехал и проверил, накормили ли работающих обедом и ужином. Я не знаю последствий, выговоров, конечно, не было, но эмоций было много”²³.

Иногда сотрудники института нуждались и в более серьезной защите. “Всю зиму, - рассказывает Г.А. Новиков, - мы проводили опыты на взрывобезопасность. Если заряд не взрывался, то сильно разрушался и куски взрывчатки разлетались по опытному полю испытательной площадки. После опыта мы, как и положено, выходили на поле, внимательно его осматривали - но в снегу все куски взрывчатки не найти. Весной снег стал таять. И тогда же какой-то “доброжелатель” позвонил в компетентные органы, сообщил, что готовится кража взрывчатых материалов, и предложил лично в этом убедиться. Сотрудники милиции и комитета госбезопасности примчались на площадку и действительно нашли куски взрывчатых материалов. Начальник площадки Н.С. Пovyшев и я как руководитель взрывных опытов сразу же были взяты “в оборот”. Мне пришлось отвечать на очень неприятные вопросы, доказывая, что никто не собирался ничего похищать, что это естественные обломки. Пока я это рассказывал, прямо к каземату подъехала “Вол-

²³ Г.В. Алтуньянц

га", из нее вышел генерал и очень спокойно спросил: "Ну и что вы тут делаете?" Я ему объяснил. Ломинский так же невозмутимо начал говорить: "Когда я служил на подмосковном полигоне, мы тоже каждую весну проверяли состояние поля и находили не только обломки - целые неразорвавшиеся снаряды. Вы тут внимательно все просмотрите и уничтожьте взрывчатку". Увидев такую реакцию генерала, спецслужбы потеряли к делу всякий интерес и ушли с поля. И тогда директор повернулся к начальнику площадки с вопросом: "А что здесь делали посторонние?" Н.С. Повышев несколько растерялся: "Так ведь это КГБ..." Ломинский ему достаточно строго сказал: "Посторонние лица на территорию площадки без моего разрешения не допускаются". Повернулся и уехал. Инцидент был исчерпан".

"Очень интересно было наблюдать его взаимоотношения с подчиненными людьми - он всех, с кем бы мы ни встречались, знал по имени-отчеству, мог бросить какое-то шутливое слово, о чем-то спросить. Естественно, он прекрасно знал, над чем они трудятся, какие результаты. Где это было нужно, Георгий Павлович высказывал свои замечания, но все это делалось в очень доброжелательном тоне. Я никогда не слышал, чтобы он повышал на кого-то голос, кричал, разнос какой-то устраивал. Но Ломинский был человеком с большим чувством юмора, он мог бросить одну-две фразы, и провинившийся сотрудник делал соответствующие выводы"²⁴.

Действительно, отличительная черта его характера - высказываться по поводу нарушений не только строго, но и с юмором, однако не унижая дос-

²⁴ Л.Д. Рябен

тоинства человека. Это оказывало на провинившегося более сильное влияние, чем дисциплинарное взыскание. Так было на собрании коллектива УАТа, когда он с юмором обсуждал проступок шофера, который автомобилем сбил дерево и повредил саму машину²⁵.

Георгий Павлович единственный из директоров Главка повесил перед входом в кабинет ящик, в который каждый мог опустить свое письмо по любому вопросу. Этот ящик он вскрывал только лично, и о настроении людей и их заботах узнавал из первых рук²⁶.

Проявить заботу о сотрудниках, коллегах, даже незнакомых людях - это не было для него тяжелой обязанностью. Это было естественно и по-человечески необходимо. Он помогал дому детей-инвалидов в Тюбуке, организовывая им бесплатную стирку белья в нашем городе, снабжая их продуктами из подшефного совхоза, направляя в Курган оборудование для ортопедического центра доктора Илизарова, помогал восстанавливать церковь в одной из окрестных деревень - и все это негромко, без фанфар и победных реляций...

“У нас умер командир части, Ю.С. Яковлев. Возникла идея на его памятнике установить бронзовый барельеф. Я²⁷ позвонил Георгию Павловичу и спросил, может ли он помочь. Он сказал: “Пришлите гипсовый слепок”. Через какое-то время я приехал забирать два барельефа. И задаю вопрос: “Георгий Павлович, сколько мы должны?” Он говорит: “Не надо задавать глупых вопросов и обижать нашу организацию, все-таки я ее представляю”.

²⁵ В.В. Полковников

²⁶ В.В. Полковников

²⁷ А.А. Марков

Ломинский всегда строго - раз в неделю - устраивал прием по личным вопросам. И от своих заместителей требовал того же. "Обычно мы старались не записывать больше двадцати посетителей, но иногда собиралось до сорока человек. Прием он проводил очень сдержанно, хотя выслушивать ему приходилось всякое. И только одно его моментально выводило из себя - слезы просительниц"²⁸. Люди уходили с приема достаточно удовлетворенными, даже если Ломинский не смог ничего пообещать. Но он мог так объяснить, что досады на директора, даже в случае отказа в просьбе, у пришедшего не возникало.

"Хотелось бы отметить замечательную черту характера Георгия Павловича. Известно, что по различным обстоятельствам некоторые сотрудники ВНИИТФ покидали город и уезжали. Зачастую они не приживались на новом месте работы и возвращались назад. Ломинский никогда не упрекал этих людей, наоборот, он их трудоустраивал вновь и помогал получить жилье. Мне известен случай, когда один из сотрудников дважды переводился во ВНИИЭФ и дважды возвращался в Снежинск"²⁹.

Но почему же только о замечательных чертах характера Ломинского идет речь? "Были, конечно, у Георгия Павловича и свои, скажем так, не самые лучшие черты характера. А выражалось это в упрямстве не всегда оправданном, и на "нэт" (почему-то с кавказским акцентом) управу найти было трудно. Как он сам говорил: "А что вы хотите от хохла?"³⁰ "Разговаривать на трудную тему с ним можно было, но до определенного момента, пока он не говорил: "Все". И больше к этому вопросу

²⁸ Т.А. Афанасьева

²⁹ Л.Ф. Беловодский

³⁰ Н.А. Голяков

можно было не возвращаться. Это тоже была его генеральская, директорская черта - сказал один раз и должно делаться так, как он сказал. Прав, не прав - он сказал"³¹.

В нем жило два человека, как в каждом руководителе. Один знал, что нужно выполнять указания вышестоящего начальства. Другой говорил, что с начальством бороться трудно, но он боролся как мог. В том числе и с помощью юмора. Известное выражение "Не так страшен черт, как его малюют" Ломинский перефразировал: "Не так страшен черт, как его малютки". "Малютки" - это в отношении вышестоящего руководства, скажем, Главка или Министерства. А как воспринимало его это самое вышестоящее руководство? "Георгия Павловича я видел в разных ситуациях, - говорит Л.Д. Рябев, - и когда мы бывали у министра, Ефима Павловича Славского, и когда он встречался со своими сотрудниками, всегда и везде он был одинаков - никакого чувства подобострастия. Он везде оставался самим собой - Георгием Павловичем Ломинским, человеком, который знает себе цену, знает дело, ставит проблему, и его никто не собьет с тех позиций, в которых он убежден. Естественно, и министр обладал своеобразным характером... Думаю, здесь Георгию Павловичу во многом помогал жизненный опыт. Он всегда мог разрядить ситуацию вовремя брошенным словом, не ставить проблему в лоб, а вернуться к ней позднее, расположив к себе руководителя"³². И начальство его очень уважало. В том числе - за самостоятельность. "Ломинский все вопросы - финансовые, хозяйственные - старался решать сам. Пока не поймет, что это нельзя

³¹ В.И. Никитин

³² Л.Д. Рябев

сделать без вышестоящего руководителя, он за помощью не обращался - это очень хорошая черта, отличительная черта Георгия Павловича как директора."¹³ Приезжая в главк, в министерство, Ломинский сначала обходил самых рядовых сотрудников - бухгалтеров, плановиков, снабженцев, кадровиков, экономистов. Выяснит, на какой стадии какой вопрос находится. И только потом, подготовленный, пойдет к начальству, зная, как с ним разговаривать. Но и у сотрудников министерства к нему было особое отношение - если Георгий Павлович о чем-либо просил, каждый старался решить вопрос положительно. "Начальство спрашивало - да что все за Ломинского ходят хлопотать. И получало ответ - так у него же Система. Он прежде чем к вам пришел, обошел всех, все знает, и теперь к вам настолько подготовленный приходит, что вы можете сказать только "да" или "нет", а он уже будет знать, что это от вас зависело, вы так решили. И в Министерстве его знали все - Главснаб, Управление оборудования, ОТиЗ, Кадры. Он приезды свои с умом использовал - не по верхам ходил, а низы обрабатывал"¹⁴.

НА ВНЕШНИХ ПОЛИГОНАХ

Отдавший службе на испытательных площадках всю молодость, Георгий Павлович с особым расположением, даже любовью, относился к сотрудникам института, выезжавшим на внешние полигоны. Забота об экспедициях была искренней и постоянной. Единственное, против чего он категорически возражал, - это чтобы на полигоны ездил-

¹³ Г.А. Цыркoв

¹⁴ А.В. Кручинин

ли женщины. “Ломинский очень тепло отзывался о своих специалистах - рабочих, инженерах, ученых, - говорит А.И. Ветютнев. - Его интересовало не только то, как работают, но и как отдыхают его сотрудники. Георгий Павлович присылал специальные автобусы, которые доставляли людей к рабочим площадкам, а иногда позволяли совершить поездки в Ленинград. И всегда просил меня, как начальника полигона, чтобы я помог его ребятам в воскресенье, если нет работ, побывать в городе. Одно время у нас были перебои с питанием. И что мне сильно импонировало - Ломинский, когда приехал, специально поинтересовался, как обстоят с этим дела. А когда затем из ВНИИПа пришли вагоны с оборудованием, в них было несколько ящиков тушенки”.

То, что генерал частенько проверял, как живет его специалистам в экспедициях, знали, конечно, и начальники полигонов. И старались принять “адекватные меры”. “В конце 70-х годов перед приездом Георгия Павловича на Семипалатинский полигон местное военное начальство решило не ударить лицом в грязь перед генералом и приказало постелить ковровые дорожки на первом этаже гостиницы в поселке “Г”. Мы, работавшие в это время в штольне массива Дегелен, немало были этим удивлены - такого раньше никогда не бывало. Нам объяснили: “Это ваш генерал приезжает проверить, как вы живете, вот мы и постарались”. Дня через два приехал Ломинский. Это было днем, мы были на штольне. Но свидетели нам вечером рассказали, как было дело. Заходит Георгий Павлович в гостиницу, несколько секунд изумленно смотрит на ковровые дорожки, потом, принюхавшись, спрашивает у сопровождавших представителей полигона:

- А душистых дорожек для туалетов не нашлось?

Он и сам знал и от нас неоднократно слышал, что в поселке "Г" всегда перебой с водой: то с холодной, то с горячей, то с обеими одновременно. На этот раз не было холодной. Так местные хозяйственники додумались пустить горячую воду в сливные бачки. Представляете, какой был аромат в гостинице! На второй этаж Георгий Павлович и подниматься не стал - пошел на свежий воздух"³⁵.

Разумеется, Ломинский был на полигонах не только с такими вот инспекционными визитами. Работа на внешних полигонах была для него так же привычна и естественна, как и в кабинете управления. Просто чуть меньше комфорта... В смежных организациях генерала хорошо знали и принимали всегда очень тепло. "Энергичный, очень подвижный, располагающий к себе человек, очень по-доброму относящийся к людям, которые находились в экспедиции. Всегда поражало его высокое человеколюбие, его доброе отношение к собеседнику, к специалисту, с которым он работает"³⁶. "Он был очень легок на подъем. Как только поступало сообщение о том, что с его изделием что-то неладно, Ломинский тут же вылетал на место происшествия. Если испытания производились на взрывной площадке, то Георгий Павлович хотел лично видеть момент воздействия на изделие и результаты этого воздействия. Порой его приходилось даже останавливать"³⁷.

Авторитетом Георгий Павлович пользовался в отрасли высочайшим. И это был не тот случай, когда почет оказывался руководящему креслу, а уж заодно и сидящему в нем человеку.

³⁵ Н.П. Волошин

³⁶ Г.Е. Золотухин

³⁷ А.И. Ветютнев

“Георгий Павлович - это целая эпоха в развитии новой техники, науки, решении сложнейших технологических проблем нашего Отечества. В его служебной деятельности были заложены и такие деловые принципы при решении взаимных вопросов, как личное общение с руководством, специалистами организаций, учреждений, воинских частей, независимо от их географического расположения. Георгий Павлович в течение года, как правило, два-три раза посещал основные взаимодействующие с Челябинском-70 организации и воинские части”³⁸.

Когда в конце 50-х годов наш институт начал тесно взаимодействовать с КБМ (Миасс), с его генеральным конструктором Виктором Петровичем Макеевым по созданию комплекса вооружения для оснащения подводных лодок ВМФ, то у истоков этой работы был Георгий Павлович. “Именно он впервые возглавил комиссию по испытаниям комплекса “Д-2”. В комиссии у него работали “матросами”, как он потом говорил, и генеральный конструктор В.П. Макеев, и главный конструктор А.Д. Захаренков, и другие выдающиеся инженеры, ученые, испытатели. Ни до ни после представители промышленности такого ранга не возглавляли испытания”³⁹.

Георгий Павлович принимал участие во множестве испытаний новой техники. Не все и не всегда проходило гладко. Случались и аварии, и предаварийные ситуации. Было бы неправильно думать, что люди, оказывающиеся перед лицом реальной опасности, ведут себя так, как если бы их жизни ничего не угрожало. И Ломинский не исключение.

³⁸ А.И. Ветютнев

³⁹ О.Н. Тихонов

Героизм испытателей проявляется не в этом. В некоторых ситуациях естественная человеческая реакция если не вытесняет профессиональные знания, то, по крайней мере, подавляет их. Так произошло во время одного из испытаний, когда на стенде произошло возгорание носителя в месте его стыковки с головной частью, в которой находилось значительное количество взрывчатого вещества. Тогда Георгий Павлович возглавил “срочную эвакуацию” всего обслуживающего персонала и членов комиссии, хотя все отлично понимали, что если испытываемый образец взорвется, то “эвакуироваться” никто и никуда не успеет. К счастью, ничего серьезного не произошло. И надо отдать должное Ломинскому - когда непосредственная угроза миновала, он быстро нашел решение, как без риска для исполнителей отстыковать головную часть, и принял меры по сооружению из подручных средств защиты стенда от разрушения в случае аварии.

Никто из знавших Ломинского не поставит под сомнение не только высочайший профессионализм, но и личную смелость этого человека. Бывали ситуации, когда ему приходилось принимать решения не только сложные с технической точки зрения, но и связанные с риском для жизни. Так было, когда при транспортировке на Семипалатинский полигон одно из изделий института при разгрузке упало и получило внешние повреждения. Что произошло внутри заряда - можно было только гадать. “Георгий Павлович прибыл на место аварии, сделал внешний осмотр изделия и, обращаясь к группе слесарей-сборщиков, сказал, что ввиду отсутствия подъемных средств придется использовать рычаги Архимеда. Хорошо зная конструкцию бомбы, он мелом обозначил примерное расположение центра

тяжести и место, на которое можно будет опираться при наклоне и подъеме бомбы. Далее, хорошо зная свойства взрывчатых веществ, он доходчиво привел одно сравнение и вытекающие из него меры. “Когда человек получает ушиб при ударе, то врач, как правило, говорит - старайтесь до больного места не дотрагиваться. Когда же мы будем поднимать или переворачивать бомбу, старайтесь к поврежденному месту не прикасаться, имея в виду, что внутри бомбы находится взрывчатка”. Указанная им методика работ обеспечила безопасность при подъеме бомбы. И, как показали результаты осмотра упавшей бомбы на технической позиции, предложенные Георгием Павловичем методы подъема были единственно правильными и предотвратили возможные неприятности”⁴⁰.

О том, что мог натворить такой неисправный заряд, существует особая легенда. Основана она на реальном факте - в семидесятые годы на товарной станции Свердловска (нынешнего Екатеринбурга) произошел взрыв в одном из вагонов, в результате чего было разрушено несколько зданий. Легенда гласит, что, получив сообщение о происшествии, секретарь Свердловского обкома КПСС позвонил Ломинскому и спросил, не он ли является хозяином изделия, разрушившего товарную станцию Свердловска. ГП поинтересовался, откуда говорит звонивший, и, получив ответ: “Из обкома” - не без черного юмора ответил: “Нет, это не наше изделие. Если бы сработало наше - не осталось бы ни обкома, ни Свердловска”.

При серьезном подходе к вопросам безопасности буквоедом Ломинский никогда не был. Прекрасное знание предмета позволяло ему принимать

⁴⁰ Л.Ф. Клопов

решения, может быть, не совсем корректные, если слепо следовать правилам. “На испытаниях с подводной лодки результаты опрессовки носителя несколько не соответствовали норме. Устранение неисправности требовало разборки носителя. Доложили Ломинскому. Он спросил, на сколько уровень негерметичности ниже нормы и каково время полета на промежуточную (полигонную) дальность. Ему эти цифры назвали. Решение: “Пускать, и немедленно!” Пуск прошел нормально”⁴¹.

К сожалению, не все трудные ситуации разрешались гладко, но Ломинский неизменно вел себя достойно. “Был выезд на стрельбы - заключительный этап долгой работы. Головная часть, предназначенная для ракеты морского базирования, была разработана ВНИИП. У нас не все было в порядке, и мы в процессе испытаний должны были выяснить, в чем неисправность. Обстановка была очень тревожная, потому что мы были связаны с ракетчиками и другими организациями, нужно было поддержать марку фирмы, а отказывала как раз наша аппаратура. К тому же стреляли мы по Каниному Носу и страшно боялись, что ракета улетит не в ту сторону, в Норвегию. ГП сохранял удивительное спокойствие - не повышал голоса, не суетился. На мой взгляд, мы тогда вышли из неприятного положения с честью. Хотя пуски были неудачные, но мы потом нашли причину отказа, и она была не в нашей продукции”⁴².

Во время таких командировок случались неожиданности разного плана. “В 1966 году на Новоземельском полигоне внезапно, как это и бывает при обострении аппендицита, понадобилось сделать

⁴¹ О.Н. Тиханов

⁴² К.К. Желтов

хирургическую операцию председателю Госкомиссии. Им был Г.П. Ломинский. А из врачей в поселке Северный в это время находился только один дантист. Что делать? Георгий Павлович сказал примерно следующее:

- Все-таки медик, анатомию изучал, пусть режет!

Операция прошла удачно⁴³.

С особым удовольствием выезжал Ломинский в экспедиции, когда изделия института применялись в мирных целях. Приходилось ему наблюдать за мирными взрывами в Средней Азии, когда по каким-то соображениям директору приходилось снимать генеральскую форму. «Однажды, будучи в гражданской одежде, ГП серьезно прокололся. Площадку для испытания готовили бывшие заключенные. Среди них был один, который ранее, видимо, проходил службу в Вооруженных Силах. Ломинский, находясь полностью в гражданском платье, не заменил только одни ботинки. Ну а ботинки для генералов и адмиралов шьются по особому заказу и колодки имеют специальную форму. И когда он сидел вместе со всеми за обедом, один из рабочих подошел к нему и говорит:

- Георгий Павлович, что Вы тут нам мозги пудрите? Вы же генерал.

- А откуда вы знаете?

- Ну как же, у вас ботинки генеральские».

Ломинский очень долго хохотал и потом часто вспоминал этот эпизод⁴⁴.

⁴³ Н.П. Волошин

⁴⁴ А.И. Ветютнев

НАШ ГЕНЕРАЛ

Генерал - так называли Георгия Павловича Ломинского сотрудники. Это была не просто констатация того факта, что Ломинский - генерал-лейтенант авиации. И уточнять, о ком идет речь, не требовалось, хотя генералов в институте было три - Георгий Павлович, Евгений Иванович Забабахин и Леонид Федорович Клопов. Ломинский был человек военный до глубины души, по самой сути. Званием офицера он гордился еще тогда, когда был лейтенантом и не помышлял о штанах с лампасами. Работа в Арзамасе, а затем здесь, на Урале, казалось, должна была увести его с военной дороги. Ведь чтобы создавать оружие, не обязательно быть офицером. А потом еще и хозяйственные, директорские заботы. Но работу Георгий Павлович по-прежнему называл "службой". И эти поговорки - "Разговорчики в строю", "Вперед, на Запад, на Берлин", "Действуйте". "Он был военным человеком до мозга костей, - говорит капитан первого ранга А.А. Марков. - И при этом оставался человеком. Он больше чувствовал себя генералом, когда мы к нему приезжали. Потому что приехали люди в форме. Приехали коллеги, которые и отношения между собой строят по-военному. Мне казалось, он даже преображался, вспоминал, что он действительно генерал. Мы шутили: "Георгий Павлович, ведь у вас крутом профсоюз". Он говорил: "Да, ты знаешь, забываешь с местными. Ведь и наши военные - полутражданские. А с вами становишься генералом". И мы, честно говоря, иногда даже старались ему подыграть, чтобы он почувствовал себя генералом. Потому что мы понимали его внутреннее состояние - он вспоминал, что он тоже

военный человек, и он отдал военной службе всю жизнь”.

В день 65-летия Георгия Павловича офицеры флота вручили ему скромную открытку следующего содержания: “Выписка из аттестации генерал-лейтенанта Ломинского Г.П. (по Уральской Военной Флотилии). Ключевые слова положительных качеств генерала:

1. Усидчив
2. Находчив
3. Трудолюбив
4. Отзывчив
5. Умеет
6. Знает
7. Может
8. Энергичен
9. Любит
10. Доброжелателен
11. Исполнителен
12. Волевой
13. Подтянутый
14. Заботливый
15. Внимательный
16. Спокоен
17. Ровен
18. Достойный
19. Крупный
20. Видный
21. Смелый
22. Уверенный
23. Опирается
24. Считается
25. Стремится
26. Думает
27. Решает

28. Дерзает
29. Добивается
30. Достиг
31. Требователен
32. Преодолевает
33. Аккуратен
34. Обязателен
35. Эрудирован
36. Ищет
37. Находит
38. Доходит
39. Владеет
40. Прост
41. Доступен
42. Предан
43. Выполняет
44. Вынослив
45. Честен
46. Благороден
47. Воспитан
48. Скромен
49. Развит
50. Динамичен
51. Чуток
52. Внедряет
53. Дисциплинирован
54. Предприимчив
55. Авторитетен
56. Организован
57. Оригинален
58. Остроумен
59. Надежен
60. Крепок

Обладает одним-единственным недостатком:
крайне добросовестен.

Выписка верна:

Капитан первого ранга А.Г. Мокеров
А.А. Марков

Согласен:

Контр-адмирал Б.Н. Жердин

Георгий Павлович не довольствовался тем, что окружающие признавали его весьма высокое воинское звание. Он как будто считал себя обязанным "отслужить" его, хотя бы перед городским гарнизоном.

Г.П. Ломинский был знаком со многими военными людьми - начальниками военных училищ, полигонов, командирами воинских частей, высокими военачальниками. Но никогда не использовал эти связи в корыстных целях, а лишь для дела, которому служил, - совершенствования вооружения.

“Решая масштабные задачи, важные для всего института, директор не чурался и мелких для него вопросов, используя для их разрешения свой авторитет и знакомства. Я помню, какие неудобства мы испытывали при проведении исследований аварийных режимов (на безопасность) из-за отсутствия собственного стрелкового оружия. Первое время мы с помощью генерала “одадживали” оружие у охраны, для чего в дни опытов приходилось приглашать офицера и солдата с автоматом. Позднее, опять же по протекции ГП, нас выручали “знакомые военные”, привозившие стрелковое оружие (автоматы и пулеметы) из своей части к нам в командировку для проведения серии опытов. Наконец мы попросили генерала достать нам оружие в постоянное пользование, а для его получения гражданской организацией, которой являлся ВНИИП, требовалось разрешение чуть ли не министра обороны, а мо-

жет, и постановление Правительства. Но Ломинский взялся за это дело и во время очередной поездки в Москву переговорил со знакомым генералом, с которым он когда-то учился в Академии. И вскоре в институт доставили два автомата АКМ и три ящика патронов, которые поместили в спецкладовую испытательного полигона и выдавали нам на опыты по оформленному заданию, правда, предварительно нам пришлось получить разрешение на право пользования автоматами в нашей милиции”⁴⁵.

“Георгия Павловича отличало ровное отношение к людям, стоящим ниже его по званию, должности. Был уважителен к любому собеседнику, в том числе младшему военному чину. Не раз приходилось наблюдать его отеческие беседы с рядовыми военнослужащими на КПП”⁴⁶.

“Несмотря на большую занятость основной деятельностью института, - говорит Д.П. Колесников, - он находил время не реже одного раза в квартал побывать на заставах, охраняющих городскую зону. Ознакомившись с условиями жизни солдат и найдя какие-то негативные стороны, немедленно принимал меры к устранению отрицательных явлений. Однажды вызывает меня и спрашивает: “Вы бываете на заставах?” Отвечаю: “Да, бываю один-два раза в квартал, проверяю организацию эксплуатации и исправность технических средств охраны, соответствие количества выставляемых постов нормативам. При выявлении отступлений от требований нормативных документов приказываю устранить нарушения в организации охраны”. После такого стандартного доклада он заявляет: “А быт и условия жизни солдат Вас, видимо, не интересуют? Вот я

⁴⁵ Г.А. Новиков

⁴⁶ Ю.Т. Багин

побывал на четвертой заставе и увидел, что помещения, особенно кухня и столовая, почернели от копоти, стены обшарпаны. А ведь застава - это и дом, и место отдыха солдат, молодых ребят, где они проводят два года своей жизни. Надо срочно подготовить необходимые материалы и сделать там санитарный ремонт". Я воспринял это заявление директора как упрек в свой адрес и совместно с руководством цеха 321 и командованием войсковой части определил объем работы по всем заставам, составив смету расходов на ремонтные работы. При утверждении сметы Георгий Павлович с одобрением отметил, что мы не забыли и про другие заставы, а по четвертой установил нам срок в две недели. По истечении указанного срока на очередной еженедельной оперативке он не забыл потребовать доклада об исполнении его указания. На наше счастье, все работы были закончены вовремя. Иначе не миновать бы мне и начальнику цеха 321 как минимум устных выговоров.

Находил Георгий Павлович время и для посещения казарм войсковой части. Зная об очень стесненных жилищных условиях войсковой части охраны и учитывая начавшееся сокращение военно-строительных подразделений, он организовал передислокацию первой в военный городок строителей, а последних в городок в/ч 3468. Дело в том, что военный городок строителей был включен в титул строительства, в связи с чем имелась реальная возможность построить там новые казармы и другие служебные здания. Произведя указанные выше перемещения, Ломинский принял все зависящие от него меры к досрочному завершению строительства военного городка. В результате через два года военный городок был расширен и так благоустроен,

что руководство МВД признало его лучшим в системе министерства и организовало показ его как образца всем командирам частей и соединений внутренних войск страны”.

Да, военные люди считали его своим. Но почему же штатские называли его - генерал? И уточняли - наш генерал.

Наверное, в судьбе каждого человека бывает период взлета, который становится самой яркой страницей его жизни. Если посмотреть на жизнь Ломинского, формально его звездным часом можно было бы назвать участие в испытании первой ядерной бомбы. Он не просто был в составе команды специалистов - вместе с К.И. Щёлкиным выполнял заключительные операции, готовя изделие к подрыву.

Другие скажут, что двадцать четыре года, в течение которых генерал-лейтенант Ломинский возглавлял крупный институт, - вот вершина его карьеры. В самом деле, период его директорской деятельности - это самый продуктивный этап развития отечественного ядерного зарядостроения. Вот как описывают результаты деятельности института за это время П.И. Коблов и О.Н. Тиханэ:

“Период, в который ГП был директором института, характеризуется бурным наращиванием темпов формирования отечественного оружейного ядерного потенциала, необходимого для достижения паритета с США в этой области.

Практически это означало, что ядерное оружие требовалось во всех видах вооруженных сил страны: ВВС, ВМФ, сухопутных войсках, включая артиллерию, ПВО, ПРО, стратегических (тактических) ракетных войсках и так далее. Различные тре-

бования к боевым и эксплуатационным характеристикам зарядов, обусловленные характером возможного применения и эксплуатации оружия, с одной стороны, и определенные ограничения, диктуемые возможностями новой атомной промышленности, с другой стороны, создавали значительные трудности при реализации проектов зарядов из-за их сложности и жестких сроков.

Может показаться парадоксальным, но выполнению задач нашим институтом в значительной степени способствовала жесткая конкуренция по большинству проектов зарядов с таким институтом, как ВНИИЭФ, обладающим более развитой производственной, исследовательской и вычислительной базой, социальной инфраструктурой, особенно на ранних этапах развития нашего института.

Тем не менее за этот период в нашем институте были созданы и переданы на вооружение атомные и водородные заряды для стратегических ракет наземного базирования как со стационарными, так и подвижными стартовыми установками, для стратегических, баллистических и крылатых ракет морского базирования с надводным, на подводных лодках первого поколения, и позднее подводным стартом, для крылатых стратегических и тактических ракет воздушного базирования, для авиабомб стратегической и тактической авиации, для снарядов различного назначения. В итоге институтом было разработано и сдано на вооружение более 2/3 всей номенклатуры образцов ядерного оружия, которым были оснащены различные рода войск наших вооруженных сил.

Некоторые заряды в настоящее время сняты с вооружения по различным причинам: в соответствии с договором о сокращении ядерного вооружения или

в связи с прекращением эксплуатации данного вида ядерного оружия. Вместе с тем многие из созданных в тот период времени зарядов в настоящее время составляют значительную часть ядерного оружия нашей страны.

В период деятельности Георгия Павловича директором институт дал стране гамму ядерных зарядов широкого диапазона мощности (от нескольких долей килотонн до нескольких десятков мегатонн) и веса (от нескольких десятков килограммов до нескольких десятков тонн), способных выдерживать значительные механические, тепловые и другие виды нагрузок, удовлетворяющие всем, иногда противоречивым, условиям эксплуатации и возможного применения.

В эти годы создалась сложная сеть взаимодействия ВНИИП со многими министерствами и их предприятиями, конструкторскими бюро и заводами, институтами Академии наук. ВНИИП проводил совместные работы по созданию ядерного оружия практически со всеми основными конструкторскими бюро, разрабатывающими ракеты различного назначения. Ядерные заряды нашего института устанавливались на ракеты, создаваемые КБ, которые возглавляли длительное время Генеральные конструкторы М.К. Янгель, С.П. Королев, В.П. Макеев, В.Н. Челомей, П.Д. Грушин и другие. Наш институт взаимодействовал практически со всеми авиационными КБ, известными по имени Генеральных (главных) конструкторов - КБ А.Н. Туполева, В.М. Мясищева, А.И. Микояна, М.И. Гуревича, С.А. Лавочкина, П.Д. Сухого, Н.И. Камова.

Многогранная деятельность института в области создания зарядов была щедро оценена Родиной: за упомянутый период пять раз присуждались Ле-

нинские премии большой группе ученых, конструкторов, инженеров и производственников, многократно присуждались Государственные премии, многочисленные группы сотрудников института были награждены орденами и медалями; предприятие в целом также было награждено орденами, памятными Красными знаменами и почетными дипломами. И в этом впечатляющем итоге деятельности института большой личный вклад Георгия Павловича”.

А какой момент в своей жизни считал самым важным сам Ломинский? Прямого ответа на этот вопрос мы никогда уже не получим. Но предположить - можем. В последнее время ядерщиков часто спрашивают, не испытывают ли они вины за то, что всю жизнь, по словам Р. Оппенгеймера, “делали работу за дьявола” - создавали страшное, разрушительное оружие. Георгий Павлович не стыдился ни своей жизни, ни того, чем ему пришлось заниматься. Он не скрывал гордости за свой институт. И именно Ломинский выступил инициатором создания в нашем городе музея ядерного оружия. Однажды он сказал: “Для того, чтобы люди понимали, чем они занимаются, я бы выставил корпуса наших изделий перед основной площадкой - пусть люди видят, зачем они ходят на работу”. Георгий Павлович Ломинский ходил на работу, а точнее - на службу, чтобы делать оружие. Оружие, которое сохранит мир.

ХОЗЯИН ГОРОДА

Каким должен быть директор научно-исследовательского института, какие задачи должны стать для него приоритетными - административные или научные? Каждый руководитель по-своему отвечает на этот вопрос, учитывая личный опыт, склонности, ситуацию. Ломинский сделал свой выбор. Он стал не только администратором, уделявшим первоочередное внимание хозяйственным проблемам института, но и руководителем города - вне зависимости от того, насколько сильными и влиятельными были городские структуры управления. Проще говоря - он стал хозяином города.

Здесь часто будет говориться: "Ломинский построил", "Ломинский сделал", "Ломинский создал". Это вовсе не значит, что все заслуги в создании института и города следует приписывать ему одному. Разумеется, с ним работала команда - и достаточно сильная, если судить по результатам. Но лидером был он - Георгий Павлович Ломинский.

Уникальный хозяйственник, другого такого в отрасли не было - так говорят люди, хорошо его знавшие. Но что стоит за этими словами? Что это вообще такое - хозяйственник? И что такое просто хороший руководитель? В какой-то мере на этот вопрос ответил Е.И. Забабахин, выступая на банкете в честь 60-летия Ломинского: "Почему Георгий Павлович так долго у нас директор? Потому что он при ограниченных бюджетных ассигнованиях умеет распределить их между всеми желающими, причем все желают получить как можно больше, а он так распределит, что и дело сделано, и денег хватило".

Сколько у него было “объектов” - больших и малых, важных и не очень? И чему отдать приоритет - медицине или дошкольным учреждениям, совхозу или торговле? Странно, но из воспоминаний очевидцев о том, как Ломинский справлялся с грудой хозяйственных дел, получается, что главным было все. Он уделял внимание самому мелкому хозяйственному вопросу, лично все контролировал, если видел, что без его пригляда вопрос не решается. И людям, приходившим к нему со своими проблемами - на их взгляд, самыми неотложными, самыми острыми, - не приходилось испытывать горечи от начальственного безразличия - “выпутывайся как знаешь”.

С чего начать рассказ о “Хозяине города”? - Да с самого начала. С архитектуры. Ломинский “принял” институт, а вместе с ним и молодой Снежинск, когда “новому объекту” не было и 10 лет, а городу и того меньше. Челябинск-70, как и другие города Минсредмаша, проектировал специально для этого созданный Ленинградский институт - ВНИПИЭТ. Слово его сотруднику, почетному академику Российской академии архитектуры И.Б. Орлову: “Еще академик архитектуры И.В. Жолтовский когда-то говорил, что для того, чтобы создать хорошую архитектуру - отдельные здания или даже целый город, - мало иметь талантливого архитектора - обязательно необходим еще и талантливый заказчик. Именно таким заказчиком, хозяином своего города и был Георгий Павлович Ломинский. Генерал, руководитель крупнейшего научно-производственного объединения, он внутренним чутьем доброго хозяина и талантливого русского человека понимал, что для максимальной творческой отдачи в науке, на производстве все труженики его пред-

приятия должны иметь хорошо налаженный быт, удобную, уютную квартиру, широкую сеть различных культурных, спортивных, лечебных учреждений; их дети должны иметь возможность всесторонне развиваться, учиться не только в общеобразовательных, но и в музыкальных, художественных школах. Поэтому главной его заботой было, чтобы строящийся город давал все эти возможности людям и одновременно был здоровым и обязательно красивым. Отсюда и поддержка всех питерских архитектурных предложений и постоянное и настойчивое требование делать город все лучше, все интереснее, все краше. Отсюда и какое-то особое внимание и любовь к нам, питерским архитекторам, проектировавшим "его" город. Мне впервые удалось попасть в Челябинск-70 и лично познакомиться с Георгием Павловичем лишь в 1975 году, когда я стал Главным архитектором института. По приезде в город нас (группу ленинградских архитекторов) сразу же принял руководитель объекта. Радужные рукопожатия, знакомство, и началось внимательное и детальное обсуждение проблем городского строительства и наших предложений. Что поразило и порадовало - на продольной стене кабинета, по правую руку от хозяина, висел большой детальный план города, на котором были видны каждая улица, каждый дом, каждая школа, детский сад; хозяин детально знал и любил свой город. А ведь это был кабинет не главного архитектора, а руководителя крупнейшего в стране научно-производственного центра, занятого важнейшими оборонными проблемами. Мы долго и всесторонне обсуждали наши вопросы, Георгий Павлович выдвигал идею строительства Дома ученых - клуба для внеслужебного общения, для отдыха. Он был убежден, что

новые интересные идеи в головах людей рождаются не только за рабочим столом. Наше обсуждение затягивалось, пошел второй час встречи, в приемной скопилось много посетителей, секретарь входил и шепотом докладывал: "Пришел такой-то, ждет встречи такой-то..." И тут я уловил впервые строгий генеральский ответ: "Подождут... я занят с ленинградскими архитекторами..." Мне очень польстило то внимание, которое было оказано хозяином, во-первых, архитектуре, искусству, а во-вторых, нам - ленинградцам". Сотрудники ВНИПИЭТ с большой признательностью говорят о том, что по инициативе Георгия Павловича одна из улиц Снежинска носит имя главного инженера проекта нашего города Макара Ивановича Пищерова, что не забывая Ломинский разделить с ними успех - ряд сотрудников ВНИПИЭТ совместно с работниками ВНИИТФ был награжден орденами и медалями.

Впрочем, у каждой медали есть и обратная сторона... Долгое время Георгий Павлович мечтал построить на 21 площадке профилакторий. Но поняв, что сделать это вряд ли удастся в обозримом будущем, он принял решение - переоборудовать под профилакторий здание строящегося жилого дома. Сказано - сделано. Горожане получили новое лечебное учреждение, а Ломинский - выговор.

О том внимании, которое Георгий Павлович уделял медсанчасти, надо сказать особо. На оперативках по строительству и реконструкции вопросы о развитии материально-технической базы медгородка рассматривались, как правило, в первую очередь. Под особым контролем директора велось строительство хирургического корпуса. Сооружение этого объекта несколько затянулось, но в этом состояла "военная хитрость" генерала. Деньги, выделяе-

мые на завершение строительства, частично тратились на закупку медицинского оборудования и прочие нужды медсанчасти. Когда в городе освободилось несколько зданий воинской части, они были переделаны в городскую поликлинику и стоматологию. Полы были выложены мрамором, к ужасу начальника отдела капитального строительства, который считал это непозволительной роскошью. Произошла при реконструкции будущего здания поликлиники и досадная оплошность. Вестибюль было решено выложить ракушечником - и долговечно, и красиво. Но отделка помещений велась при слабом освещении, а при электрическом свете выяснилось, что ракушечник был двух цветов - белый и розовый. Сочетание оказалось столь причудливым, что стены пришлось закрасить.

Кроме строительства новых зданий для медсанчасти Ломинский старался держать под контролем и непосредственную работу медиков. Один раз в неделю назначалось время официального приема по делам медико-санитарного отдела, на котором ему сообщались основные показатели движения населения в городе - рождаемость, смертность, прирост, детская смертность, средняя продолжительность жизни, средний возраст горожан. "Георгий Павлович, - вспоминает Л.И. Лобова, - заботился об оснащении наших отделений и кабинетов современной медицинской диагностической и лечебной аппаратурой. Был случай, когда заявку на дефицитную аппаратуру из капиталистических стран он подписал сам. Расчет оправдался, мы тогда получили хорошую эндоскопическую, современную рентгеновскую аппаратуру, в реанимационное отделение - анализатор эритроцитов крови и другое оборудование. За большой вклад в развитие медицины

в городе Георгий Павлович был награжден значком “Отличник здравоохранения СССР”. Конечно, по сравнению со всеми другими наградами Георгия Павловича он выглядел более чем скромно, но этой высшей наградой Министерства здравоохранения СССР Ломинский очень гордился. Надевал этот значок на празднование Дня медицинского работника. Коллектив Медсанотдела 15 Георгий Павлович очень любил. Не было случая, чтобы он отказался прийти на вечер МСО. Мы проводили прекрасные самодеятельные вечера, особенно запомнились вечера в клубе “Ритм”, посвященные женскому дню 8 Марта. Улыбающийся Георгий Павлович с очаровательной и всегда моложавой Марией Ивановной вносили в коллектив оживление, настроение праздника и ощущение уверенности”.

Проблемы, связанные со строительством, всегда были для директора больным вопросом. Это сейчас кажется, что раньше денег было много... А их много не бывает. Финансирование тех объектов, которые не относились к основному производству, всегда было непростым. По свидетельству Н.А. Голикова, “твердая рука министерства и главка (А.Д. Захаренков, Г.А. Цырков) без колебания вырубала объекты ЖКУ, ОМТС, энергоцехов, не жаловала и ОРС. Несколько лет подряд при рассмотрении титула строительства на очередной год А.Д. Захаренков лично вычеркивал (все писалось на доске в кабинете Ломинского) такой “объект”, как квашпункт на тарной базе ОРСа, и стоил-то он по сравнению с остальными “важными” - гроши”.

Споры о том, что нужно строить в первую очередь - жилье или здания КБ, велись на всех уровнях - вплоть до министерского, и были весьма горячими. С одной стороны, заседали производствен-

ники, с другой... Рассказывают такую историю: "Молодой специалист на приеме по личным вопросам не в первый раз просил квартиру. Директор устал объяснять сложность обстановки с жильем и наконец говорит: "Ну что Вы от меня хотите? Я - администратор, притом голый..."

Проблема нехватки жилья во время приема по личным вопросам вставала острее всего. И конечно, Ломинский не мог выполнить все просьбы. Приходилось и отказывать. Но если бы можно было отказать и забыть... После приема по личным вопросам он приходил опустошенный: "Ну я знаю, что нужно помочь, вижу, что нужно, но где я возьму. И я вынужден был отказать". И такой отказ он переживал. И все же были две группы жителей, чьи просьбы о жилье Ломинский удовлетворял в первую очередь. Это ветераны института, приехавшие еще со старого объекта - "старослужащие", как он их называл, и молодые семьи. Георгий Павлович считал недопустимым проживание семейных в общежитии. При всех сложностях с жильем он всегда настаивал на ежегодном целевом выделении жилой площади для расселения семейных пар из общежитий. Для удовлетворения в первую очередь молодежи специально были построены два 162-квартирных дома для малосемейных на улице Забабахина. "Но в то же время, когда приходили разведенные супруги и просили помочь с разменом жилья, он говорил - а вы ко мне приходили советоваться, когда разводились? Сейчас вы ко мне зачем пришли? Сами создали себе проблему, сами ее и решайте, государство за вас не обязано думать. Он мог это сказать, и я думаю, он был прав. Он пытался до конца разобраться в каждой ситуации и при этом учитывал, конечно, личность того, с кем он имеет

дело. Если приходил ветеран, особенно с арзамасским стажем, отношение было одно, а если приходил работник, который только-только поступил в институт и сразу начал что-то просить, то генерал ему говорил: "Ты сначала заработай". С точки зрения формального закона, может быть, и не всегда все было абсолютно чисто, но я не помню, чтобы были крупные жалобы. Он всегда мог объяснить свои решения, хотя вроде бы и не был обязан это делать"⁴⁷.

Отношения со строителями тоже были весьма сложными. Иногда задания выполнялись только на словах. Поэтому ГП разработал специальную систему - накануне оперативки, посвященной вопросам строительства, он сам без предупреждения приезжал на объект и уже на совещании был во всеоружии - фактами владел не хуже самих строителей. Услышав доклад, не соответствовавший тому, что увидел он, спрашивал: "Вы ничего не забыли?" Если же видел, что ему преподносят потемкинские деревни, говорил: "Хорошо, сейчас кончится оперативка, поедem и посмотрим". За срывы сроков ввода объектов и некачественное строительство строго спрашивал со всех, независимо от рангов и подчиненности, лиц. Более строго спрашивал за несвоевременное обеспечение строителей проектной документацией, комплектующими изделиями и оборудованием, ибо старался создать наиболее благоприятные условия для подрядчиков. Терпеть не мог, когда давали неточную, необъективную информацию. В такие моменты мог здорово отругать. Ругал он за дело, но не опускался до оскорбления и унижения личности. Был незлопамятным и быстро отходчивым человеком.

⁴⁷ В.И. Никитин

Но в конечном итоге что-то удавалось решить: получить разрешение на строительство в городе детской библиотеки, детской спортивной школы. “В выбранном нами типовом проекте Дворца спорта для города с 100-тысячным населением были предусмотрены: легкоатлетический манеж, плавательный бассейн, большой игровой спортивный зал и другой набор необходимых спортивных сооружений. Место его привязки было за коттеджами в торце улиц Комсомольской и Чуйкова. Велись подготовительные работы по строительству этого объекта, но обстановка в стране резко изменилась, и работы были остановлены”⁴⁸.

“Не удалось построить и учебно-производственный центр для нужд профтехобразования, - вспоминает В.И. Никитин. - Мы подготовили проект, причем он был тщательно проработан вплоть до деталей. Это был огромный многоэтажный комплекс, с набором мастерских, в нем можно было бы решить практически все вопросы по подготовке и переподготовке рабочих, с нужной нам спецификой. Георгий Павлович двумя руками поддерживал это дело. Мы носили ему проекты, он их корректировал - вот это надо убрать, вот тут вы забыли, принимал в этом вопросе самое активное участие и говорил, что такой комплекс мы обязательно будем строить. Но это было дорогое удовольствие - по тем временам это стоило порядка 9 миллионов. И в последний момент мы не смогли - и Георгий Павлович не смог - включить строительство в титул. Просто не хватило денег, отпущенных на строительство на этот год, перебили прямые производственные нужды. Так где-то эти чертежи и лежат. Печально, что ничего не получилось. В результате

⁴⁸ Е.А. Дедов

сейчас у нас огромные проблемы по переподготовке рабочих на производстве - нет материальной базы. Приходится ходить с протянутой рукой по разным учреждениям". Но многое сделать удалось. Были созданы технически оснащенные базы для всех организаций, обслуживающих население города, построена детская музыкальная школа, ежегодно возводилось по 72-квартирному жилому дому, был реконструирован плавательный бассейн, возведен памятник Воину-освободителю и многое другое.

В строительстве Ломинский заложил некоторые "традиции", которые соблюдаются до сих пор. Одна из них - то, что в новых домах существует, но не работает мусоропровод. Об истоках этой необычной ситуации рассказывал Э.А. Амбарцумов: "Пришли принимать одну из первых девятиэтажек. Я спрашиваю: "Георгий Павлович, а почему это у вас мусоропроводы все заварены?" Он говорит: "Нечего разводить грязь в городе. У нас четко ходит машина. Кому надо - спустился, выбросил".

Во время поездок по городу он замечал все мелочи, строго говоря, к институту и не относящиеся - например, выбоины в асфальте или неубранный мусор. Но "разгон" учинял страшный - доставалось всем, от низовых звеньев до заместителя директора по капитальному строительству. Формально за такие вопросы отвечал горисполком. Но все равно все знали - если хочешь решить проблему до конца - надо идти к директору. Так и поступил в середине семидесятых годов Ю.Т. Алехин:

"Коллектив ОРСа был достаточно большой, а проводить общие собрания было негде. Приходилось просить ключи от актовых залов управления, если они были свободны, но и туда было трудно всем вместиться. А на третьем этаже здания, в ко-

тором находится магазин “Огонек”, работало ателье. Но дохода оно практически не приносило. И я обратился к Ломинскому с предложением закрыть его, а в освободившемся помещении устроить красный уголок для сотрудников ОРСа. Георгий Павлович идею поддержал, и, преодолев яростное сопротивление Ю.Н. Артамонова, мы оборудовали там прекрасный клуб для работников торговли - небольшой, но очень уютный. Первый завод нам помог - прислал своих дизайнеров. Зал был хорошо отделан, с небольшой сценой, со множеством уютных деталей. Середину лестницы покрасили бордовым цветом, как будто это ковровая дорожка, отделали перила. И вечера танцев там были, и концерты, и торжественные собрания, и юбилей. Но если бы не Георгий Павлович - ничего бы не было”.

Говорят, к хорошему привыкаешь быстро. Может быть, и снежинцы за годы директорства Ломинского привыкли к тому, что за городом присматривает строгий хозяйский глаз. А вот впечатления наших гостей: “Снежинск всегда приятно поражал нас ухоженностью, порядком и хорошим снабжением. В этом городе, по сравнению с Арзамасом-16, люди быстрее получали квартиры и ставили телефоны, четко работал городской и служебный автотранспорт, своевременно чистились от снега дороги и тротуары, прекрасно работал отдел рабочего снабжения. Во всем этом несомненная заслуга Г.П. Ломинского, который фактически был полновластным хозяином города”⁴⁹. Такие слова, да еще от вечных друзей-конкурентов, нельзя отнести на счет простой вежливости.

⁴⁹ Л.Ф. Беловодский

Георгий Павлович не просто занимался городским хозяйством в силу служебной необходимости - он был болен своим городом. В выходные часто можно было видеть, как генерал медленно, не спеша обходит свои владения. Если прогулка была в компании иногороднего знакомого, Ломинский выступал в роли экскурсовода: "Вот здесь мы построили детский сад, здесь будет музыкальная школа..." - и говорил о том, что удалось сделать, и о планах на будущее с такой искренней заинтересованностью, с таким увлечением, что гость не оставался равнодушным. Заботиться о городе для него было не необходимостью - потребностью души. Это был ЕГО город, его детище. Сам Ломинский любил смотреть на город сверху, с самолета. Такая возможность у него появлялась, когда комиссия проверяла информативность работ на газодинамической площадке путем отбора проб на самолете. "ГП с большим удовольствием летал на этом самолете, а иногда даже сидел на левом кресле - вторым пилотом. Он с большим удовольствием использовал самолет, чтобы посмотреть, где у него непорядок", - говорил Г.А. Кауров.

Георгий Павлович очень заботился об украшении города и, если было нужно, шел на то, что считалось нарушениями. Одно из таких нарушений связано с появлением на 20-й площадке памятника И.В. Курчатову. "Автор этой уникальной скульптуры, - вспоминает П.Я. Усиков, - каслинский скульптор А.С. Гилев, работал в течение 5 лет для того, чтобы создать 8-метровую фигуру академика Курчатова. И для того, чтобы он мог здесь работать, Гилева зачислили лаборантом в 5 сектор. При ревизии это раскопали и написали акт о "штатном и финансовом нарушении" с самыми жесткими и

строгими предложениями в отношении директора - Г.П. Ломинского. Затем этот акт положили на стол Е.П. Славскому, в то время министру среднего машиностроения. Однако Ефим Павлович понимал, почему Георгий Павлович шел на эти нарушения, и, кроме как "указать" и "не допускать впредь", никаких оргвыводов не последовало".

По воспоминаниям людей, работавших с ним, у Георгия Павловича было необыкновенное чувство на что-нибудь нестандартное, непривычное, совершенно новое. При его активной поддержке группой горожан - в том числе И.М. Израилевым, Б.И. Беляевым, Н.Г. Субботиной и П.Я. Усиковым на пустыре между кинотеатром "Космос" и горисполкомом был устроен музей камней под открытым небом. Работа не была закончена - планировалось на глухой стене кинотеатра разместить схему-карту Советского Союза с указанием месторождений этих самых минералов. Да и сами минералы пострадали - со временем образец слюды катастрофически уменьшился в размерах - так своеобразно проявился интерес детей к геологии, а образец серого гранита Сибирского месторождения весом 200 килограммов вообще исчез.

Совхоз "Береговой" - это еще один предмет неустанных забот и источник законной гордости Ломинского. Начал он знакомство с подшефным хозяйством еще по поручению первого директора института Д.Е. Васильева, когда на месте сегодняшнего Дальнего Берегового была женская тюрьма-колония, а из построек - бараки и даже юрты, в которых жили бывшие заключенные. Постепенно удалось ликвидировать бараки и ветхое жилье, подвести линию электропередачи, построить котельную. Одним из первых в Уральском регионе совхоз